

*Владимир Германздерфер
Наталья Рябцева*

ПУТЬ
ПУТЬ **ИЗРАИЛЬСКОГО**
НАЁМНИКА

Наталья Рябцева
Владимир Германздерфер
Путь израильского наёмника

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4997198

Путь израильского наёмника: Издать Книгу; М.; 2013

Аннотация

В пёстром потоке остросюжетных книжек об удивительных действиях бойцов различных спецподразделений книга «Путь израильского наёмника» не затеряется.

Во-первых, потому, что о нескончаемом арабо-израильском конфликте мы знаем лишь из газет и теленовостей. А в этой книге читатель почувствует непридуманную пороховую гарь.

Во-вторых, потому, что героя книги «Путь израильского наёмника» «Бог наделил...» не только умением стрелять, но и пытливым умом и, что в «боевой» литературе нечасто, доброй отзывчивой душой.

В каждой главе автор держит читателя в напряжённом сопереживании главному герою. Уверен, прочтение книги станет для Вас событием и останется в памяти надолго.

Очень радостно, что это первая книга начинающих, явно талантливых авторов. И если судьба будет к ним благосклонна, то их имена мы ещё услышим не раз.

Евгений Виноградов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	74
Глава 9	82
Глава 10	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Владимир Германздерфер, Наталья Рябцева Путь израильского наёмника

Глава 1

Старая железная кровать возле двух таких же. Стоят в ряд и ждут возвращения хозяев.

– Влад, ну ты идёшь? Уже полчаса, как сидишь в комнате. Нам пора.

– Иду.

А идти совсем не хочется. Кладу под кровать «англичанку»¹. Под шкафом шорох. Это Борька там возится, будто не хочет опускаться. Но надо идти. Я, солдат армии обороны Израиля, поднялся и обвёл комнату взглядом. Бронежилет сразу напомнил о себе тяжестью. Как-то не хочется идти, будто что-то грызёт внутри. Но шаг, второй – и вот я уже бегу. Даже не закрыл комнату. Так оставил с открытой дверью. После первого шага все страхи позабыты. Последний луч заката коснулся лица.

---

¹ Англичанка – винтовка английского образца.

– Влад, ты чего?

Отвечать на вопрос нет желания. Вокруг военная база, живущая своей жизнью. Суета солдат, флаг со звездой Давида, домики, площадки... Всё как обычно, как всегда. Солнце исчезло где-то далеко за краем земли. Дизель автомобиля плюнул в небо черным дымом и заурчал.

– Влад, спасите его, – слова полковника звучат скорее как просьба.

– Не обещаю, но очень постараемся.

– Ну, вы уж очень постарайтесь. Мальчишке то всего двадцать лет.

Илия обнял пулемёт. То, что для меня тяжесть – для него пушинка. Огромный человек ждёт команды, а рядом с ним ждут Андрей и Фанта. Куда нам без него? Смотрю на них и такое чувство будто прощаюсь. Чернота внутри заполнила сердце и душу.

– Грузимся, – сказал как-то обречённо.

– Влад, ты чего?

– Да вот, что то не то.

– Это потому что гамбургеры в Макдональдсе вчера с майонезом были. Я же просил с кетчупом.

– Давай, садимся, а то Илия ещё чё то приплетёт.

– Влад, что случилось?

Пнул ногой песок.

– Да, ничего. Грузимся и поехали. Нам ещё парня выручать.

Джип легко тронулся с места. Сегодня, где-то там, в темноте, волчья стая должна достать мальчишку из лап смерти. Головы опущены, смотрим в сапоги. Машину кидает влево и резко останавливает, а каждый из нас ещё не окончил свою молитву. Может, она спасёт? А может, умение воина или случай? Камень, о который споткнёшься, и пуля пролетит мимо?

– С Богом!

Открываю дверь. Далеко от квадрата указанного на карте выстраиваемся в линию друг за другом.

– Пошли.

Ночь прячет волчью стаю. Мы двигаемся тихо. Приборы ночного видения хорошие помощники – указывают нам кто, где и зачем. Маленький крестик на карте – как много он значит для меня и моих ребят! И для того, кто нас ждёт. Простой росчерк маркера, испачкавший лист отсканированной бумаги.

Улица, вторая, оставлены позади. Впереди только враг. Тихо обходим всё, что встречается на пути. Стараемся быть словно тени. Вот он – недостроенный дом. Легко проникаем на стройку. Взбираемся на верх бетонной коробки. Каждый знает что делать. Плашмя ложимся на крышу и берём здание напротив в прицелы.

Оно такое маленькое и хрупкое. По результатам разведки в нём находится наш парнишка. Как он туда попал не важно. Нам надо его достать.

– Влад, они держат его в доме для сирот.

– Чёрт, с наскака не пойдёт. Андрей, что там около здания?

– Позади стройка. По бокам два жилых двухэтажных дома.

– Верно. Это наша исходная. Там, наверно, дети.

– Наверно.

– Как бы нам посмотреть, чтоб не шуметь?

– Как бы нам, Влад, самим не нуждаться в помощи!

– Вот чувствовал, что сегодня что-то не так.

– Да, да. И я вот говорю! Не зря вчера вместо кетчупа майонез положили. Не к добру всё это.

– Илия, помолчи.

– Влад, что делать будем?

– Думаю, Андрей. Стрелять нельзя.

– А что можно?

– Илия, давай по старинке. План Б.

– Какой план? Давайте выполним задание и домой.

– Фанта, помолчи!

– Молчу, Влад. Но надо что то решать.

– Я уже решил. Значит, план такой: Фанта ты сейчас возмёшь всё наше, и ждёшь здесь. Снимаем всё, что может звенеть. В темноте и так не видно. У дома начнём.

– Что начнём, Влад?

– Сымпровизируем, Илия.

В штанах и футболках перебегаем друг за другом дорогу.

До дома метров двадцать пять. Крадёмся. Осталось пятнадцать, десять, пять. И тут...

– Андрей, ты сука!!!

– Влад, ты чего?

Не успел он опомниться, как получил кулаком по лицу.

– Илия, держи этого придурка! Я ему сейчас все мозги вышибу!

Крик на русском, пьяная драка. План должен сработать. Так и есть. Он вызывает интерес стоящих у окон охранников. Дверь в нужном доме открывается и один из них выглядывает на улицу.

– Вперёд!

Каждый достал по Беретте² и просочился в здание. Стреляем уже внутри. Второй охранник передаёт по рации. Вбегаю в дом последним. Падаю, встаю, опять падаю. Что-то обожгло руку. Чёрт, кажется, мы не успели тихо. Вбегаю в комнату, а там дети. Слава Богу, всё-таки успели.

– Перебили всех, Влад. Ещё раз будешь так импровизировать – без башки останешься.

Андрей не успел договорить, как в дом вбежал Фанта. Наш ослик, нагруженный военной амуницией, запыхался.

– Илия и Фанта к окнам. Дверь закидать кроватями. Дети, за мной.

– Слева стрельба из АК³. К нам гости.

---

² Беретта – самозарядный пистолет итальянского производства.

³ АК – автомат Калашникова.

– Вижу, Фанта, вижу.

Переодеваемся. Бронежилеты одеты, привычное оружие в руках. Дети, увидев великана Илию, сразу замолчали и прижались к стенке. На полу наш раненный боец. Возле него лежит араб с полуоткрытым ртом.

– Ну вот, тебе надо было это?

Избитый до полусмерти солдат с ранеными ногами. Молчит, ни слова. Только в глазах мольба и боль.

– Чёрт, нам просто так отсюда не выбраться. Укол. Илия, сделай ему укол и мигом к окнам. Андрей, за мной. Говоришь, за зданием стройка?

– Да, новострой с техникой.

– Илия!

– Что?

– Ты уж поаккуратней. Смотри, чтоб не убили.

– Хорошо.

Нас здесь не ждали. Поэтому не смогли сразу организовать атаку. Илия взвалил РПК⁴ и начал короткими очередями останавливать тени. Мы огрызнулись. В помощь ему твякнул выстрелом Фанта. Музыка боя стихла. Сейчас перегруппируются.

– Андрей, за мной. Нужна дверь на детскую площадку.

– Вот она.

– Чего ждёшь? Открывай!

– А ключ?

---

⁴ РПК – ручной пулемёт Калашникова.

– Андрей, прекрати цирк. Давай переодевайся. Илия, мы сейчас.

– Влад, во что переодеваться?

– Вон в этих бродяг.

Мёртвые тела тяжело раздевать. Но желание жить помогает это делать быстро. В ботинках большего размера и сползающих штанах мы за три минуты стали похожи на охранников.

– Теперь к двери. Да не к этой, Андрей. А к той, что на площадку.

Слава богу, что всё происходит так быстро. От начала захвата прошло восемь минут.

Стрельба постепенно будит квартал. Мы тихонечко выходим. Зажглись окна, осветив улицу. Две тени скользят вдоль стены.

Одна держит штаны и пистолет, другая крадётся впереди.

– Андрей, нам нужен транспорт и побольше.

– Вон грузовик стоит.

– Нет, не подойдёт.

– Влад, кажется, я знаю что нужно.

– Стой, Андрей. Не надо, не входить в роль. Просто угони легковушку.

Бежим метров двадцать. Одной рукой держу Беретту, второй штаны. Андрей забегает за забор. Слышу, какая-то суета. Потом слова на арабском и удар. Тут же со скрипом открывается дверь и сразу захлопывается. Секунда и завёлся

очень грубый мотор. Значит, машина большая. Слева к дому крадётся тень. Падаю на колени, стреляю. Тень упала. Бегу прикрыть тыл. Стрельба на улице не утихает, а здесь, позади дома – тишина. Ещё один – стреляю. Всё происходит автоматически. Человек падает, я вбегаю в дом. И тут, что то огромное ломает забор на стройке. Потом это огромное приближается всё ближе.

– Чёрт, чёрт, чёрт.

Бегу по коридору, сворачиваю в комнату, падаю на пол. Громадный ковш ломает крышу. Андрей!

– Все в ковш!

Илия без раздумий запрыгивает в железную клешню. За ним Фанта. Толкаю наш объект, и гигантская ладонь подымается.

– Андрей, стой! Назад!

Ковш опускается к самому полу.

– Снимайте бронжилеты, Илия, Фанта!

Три бронжилета у меня в руках. Прыгаю на искорёженный пол.

– А ну ка, собрались все вместе, – машу рукой детям.

Они как маленькие роботы быстро собрались в плотную кучу и легли на пол. Кидаю на них бронжилеты. Они бьют по головам, но создают щит от пуль. Назад, обратно в ковш. Стучу рукояткой пистолета по железу. Где то рядом заревел дизель. Пневматика подняла нас вверх. Поехали. Слышу, стреляют. Пули дзинькают по ковшу. Звук приближаю-

щегося вертолѐта. Три ракеты, одна за другой, взрываются на дороге позади нас.

– Повезло!

– Ага!

– Влад, Фанта на русском с перепуга заговорил!

Смех переходит в истерический. Смотрю на небо над нами. А там – звѣзды.

Вот уже черта. Рука солдата означает – наши. Объяснять что мы свои, в чужой одежде, без бронежилетов и с пулемѐтом Калашникова – нет смысла.

– Без шума сдаѐмся в плен.

– Поняли, командир.

Ковш опускается, и мы втроѐм выкатываемся на землю. Четвѐртого пинками вытолкали из кабины. Ну а пятый остался лежать в ковше. Морфий крепко его держит во сне. Страх остановившего нас солдата легко превратил всех четверых во врагов. Заталкивают в джип с завязанными руками и повязками на глазах. Едем. Слава богу, что живы, а всё остальное заживѐт. Заплакал. Это нервы. Секундная слабость.

Машина остановилась. Судя по звукам возле штаба. Пинками и толчками нас покидали на песок, словно мешки с картошкой. Слышу недовольный голос Рахиль. Теперь тот, кто пинал, срочно стал освобождать руки от пластиковой ленты.

– Влад, ты плакал?

Женские руки сдѐрнули повязку с головы.

– Спасибо, за солдата.

– Это моя работа.

Путь волчьей стаи окончен. Звёздное небо над головой стали пронизывать первые лучи рассвета. Взглянул туда, куда пошла Рахиль. Мелькнула отъезжающая карета скорой помощи. Мир не изменится никогда. Мы живём от войны и до войны. Подъехал джип. Тихонько грузимся. Нет сил даже ругаться с теми, кто нас колотил. Начальство знает, кто мы. А другим ничего не надо знать. И ещё Борька в комнате всё о нас знает. Но ничего не скажет. Потому как его друг сухарь. А я – хозяин сухаря. Улыбнулся сам себе. Машину прилично потрянуло. Вспомнилась от чего-то родная российская дорога. Как то непроизвольно вспомнился город, в котором жил. Лица. Их много: те, которые росли со мной во дворе, учились и шли по жизни. Вспомнилось начало этого пути...

Глава 2

Темнота за окном начинает наполняться красками. Возникает множество незнакомых лиц и среди них я в здании аэропорта.

Решение направиться в это странствие было не совсем моим. Семья захотела последовать примеру многих представителей избранного народа и обосноваться на земле обетованной. Но вначале на разведку отправили меня.

В один счёт решили, собрали и помахали рукой на прощание. Я обнял маму, пожал руку отцу и сделал шаг за порог дома. С этого момента начался мой путь в армию Израильской обороны.

Бог наградил меня умением стрелять. Остальное я получил на тренировках. Даже став мастером спорта по стрельбе, я продолжал ходить в спортзал. Мне нравилось стрелять и анализировать каждое попадание, нравилось быть наедине с мишенью. Фортуна – тётка вредная, но она обожает фанатов своего дела и не покидает их. Окружающий мир был не интересен. Пацаны во дворе, одноклассники, девчонки – всё текло мимо сплошным потоком лиц. Вдвоём с мишенью я был вполне счастлив. Стрелять – это то, что я умел делать лучше всего в тот момент, когда началась новая жизнь в другой стране.

Без особого страха, даже с какой-то долей любопытства,

я тронулся в путь. Аэропорт. Суета огромного муравейника. Из образов вдруг появился мальчик. Казалось, что это был не один мальчик, а несколько маленьких клонированных еврейчиков.

Рядом с ним невозмутимая еврейская мама, позволяющая своему малышу всё. Каждые пять секунд по терминалу разносился крик:

– Хаим! Далеко не убегай!

После очередного своего забега этот чудо ребёнок остановился напротив меня. Он был чуть крупнее, чем все малыши в этом возрасте с немного печальными и одновременно хитрыми глазками.

– Дядя, вы тоже едете в Израиль?

– Да, Хаим.

– Мама, я нашёл дядю, который нам поможет нести сумки.

Его крик обратил на меня внимание всех, кто ждал рейса. Люди в чёрных шапках с пейсами⁵ были похожи на Незнаек из мультфильма. Им было не до меня. Они нервничали в ожидании задержанного рейса.

– Молодой человек?

– Я помогу.

Желая поспать, я оборвал на полуслове незнакомую мне женщину. Напротив меня никого не было. Устроившись в кресле, я положил ноги на пустое место. Кто ж мог знать,

---

⁵ Пейсы – длинные неподстриженные пряди волос на висках, традиционный элемент причёски ортодоксальных и ультраортодоксальных евреев.

что мальчишке захочется играть именно тут. Почему-то решив, что мои ноги это шлагбаум, он задался целью перелезть через него. Пыхтя и кряхтя, он с олимпийским спокойствием начал преодолевать барьер. Но толстенный зад перевесил остальные части тела. Сочный шлепок, и малыш оказался на полу. Но это непоседливое создание даже не заплакало.

– Хаим, не мешай молодому человеку. Не видишь, он отдыхает. Пусть набирается сил. Ему ещё тащить наши сумки.

Хаим всё правильно понял и нашёл себе другой объект развлечения. Раздвижные двери. Сначала он сделал шаг навстречу и коснулся стекла – дверь открылась. Отошёл – дверь закрылась. Волшебство! Хитрые глазки были полны восторга. Отошёл – подошёл. Отошёл – подошёл. Судя по всему, он решил их достать. Мой сон прошёл окончательно.

– Хаим, отстань от дверей! Не делай маме больно.

– Сейчас, мама.

Хаим отошёл от двери, но только для того, чтобы разогнаться. По терминалу раздался топот, двери открылись и Хаим оказался на улице. Испуг оставшегося без мамы ребёнка вернул Хаима обратно в здание. Дверь беспрекословно повиновалась малышу. Очевидно, он почувствовал себя хозяином двери и решил увеличить дальность разбега. Снова топот. В этот момент голос в динамике объявил посадку. Когда диспетчер замолчал, раздался глухой удар о стекло. Хаим растаявшим мороженым сполз по двери вниз. Она явно вышла из повиновения. Но малыш опять не заплакал.

Заставив улыбнуться половину зала, он вскочил и побежал к маме. Дверь больше не открывалась. Шедшие снаружи люди с непривычки стучались в неё головами.

– Пойдём, сыночек, – невозмутимо сказала еврейская мама.

За этой дверью остался мир детства, родные. Теперь я буду приходить сюда только туристом. И может именно поэтому она больше не открывалась, чтобы не впускать, а только выпускать тех, кто покидал родину ради колбасы.

Ту-134 уносил меня всё дальше от Родины. Москва – Тель-Авив. Лететь было недолго – четыре часа. Шумные пассажиры, наполнившие салон, не успев взлететь, уже ждали приземления.

На лице сидящего рядом еврея с длинными пейсами и кипой⁶ на голове радость исчезла в тот момент, когда стюардессы забегали по длинному междурядью. В проходе стояли двое левых пассажиров, мешающие движению. Они были посажены на железный ящик у кабины пилотов. Перепуганные люди, широко раскрыв глаза, тихо-тихо шептались. Вдруг самолёт резко накренился в сторону. «Ну, вот и прилетели!», – мелькнуло в голове.

– Отче наш, иже еси на небеси, – молитва старого еврея заставила меня с удивлением отвернуться от иллюминатора. Не знаю, может быть, именно его горячие слова выровняли самолёт, но дальше всё пошло, как надо. Стюардесса с

---

⁶ Кипа – еврейский головной убор, ермолка.

яркой и обворожительной улыбкой объявила, что можно отстегнуть ремни безопасности.

– Уважаемые пассажиры, сейчас будет обед.

А какой еврей не любит покушать? Появилась тележка и ещё одна стюардесса, похожая на первую, но немного постарше. Тогда ещё не подавали кошерную⁷ и не кошерную еду. Всем раздали одно: рис, обильно политый коричневой жижей, с кусками сочной свинины. Вокруг интенсивно застучали золотые зубы, пережёвывающие пищу. Процесс пищеварения прервала тихая фраза, прозвучавшая в не выключенный стюардессой микрофон.

– У нас проблемы. Шасси заело.

– И что делать?

– Ничего. Выйди с улыбкой в салон и проследи, чтобы не было паники.

Эта фраза заставила забыть об обеде. Взволнованный шёпот заполнил все уголки самолёта. Пассажиры начали обвинять Аэрофлот, погоду и ещё бог знает кого.

– Господи помоги мне, и не дай сгинуть в этой кутерьме, перепуганный шёпот заставил улыбнуться и взглянуть на старика рядом.

– Молодой человек, не мешайте. Вы что, не видите? Я тут чуть-чуть спастись пробую.

Явный одесский говор заставил меня улыбнуться.

– Ну что вы смотрите, молодой человек? Глаза мои устали

---

⁷ Кошер – Пища, приготовленная по еврейским законам питания.

на вас смотреть.

Возможно, Бог услышал молитву и решил пожалеть самолёт. Полёт вновь стал протекать в обычном режиме и громком шуме вежливых евреев. Улыбки стюардесс после минутного страха светились счастьем. Живы. И только двое влюблённых прижались друг дружке и спокойно спали, не обращая внимания на суету вокруг. Они единственные среди всех нас были похожи на евреев. Соблюдая кашрут⁸, молодые люди отказались от еды и были совершенно спокойны в своём взаимном счастье.

После холодной Москвы жаркое солнце в иллюминаторе встретило мой взгляд ярко-рыжим диском. Раздвинулись облака, и я подумал, что внизу тоже голубое небо.

– Это, молодой человек, море.

Вслед за пронзительной синевой появилась тонкая линия берега. Стюардессы стали раздавать декларации. Мой сосед опять проснулся.

– Ой, чтоб я так жил, как я лечу.

Старик попытался снова закрыть глаза, но стюардесса протянула ему декларацию.

– Ой, только не надо мне тыкать эти бумажки. Сёма знает, что ничего не везёт кроме пейсов и кипы.

Самолёт резко накренило.

---

⁸ Кашрут – система ритуальных правил, определяющих соответствие чего-либо требованиям Галахии, еврейского Закона. В основе законов кашрута лежат заповеди Торы.

– Всё, всё. Сёма пишет декларацию, только не надо бросать его об землю с высоты.

С другой стороны от него сидела довольно упитанная женщина.

Она заняла почти два кресла согласно купленным билетам, поэтому её ребёнку досталась четверть. Он съёжился на этом кусочке и спокойно спал.

Самолёт вдруг хорошенько потрянуло, будто нашему воздушному кораблю кто-то дал хороший пинок под хвост и он, едва коснувшись земли, стремительно побежал вперёд. В наступившей тишине мы благополучно остановились.

– Вас приветствует Тель-Авив, – с улыбкой подвела итог стюардесса и все зааплодировали умению пилота летать на корыте с крыльями.

Полёт окончился, и началось великое перемещение евреев. Хотя за иллюминаторами стояла жара, но почти все надевали куртки, так как деть их было некуда, а выбросить жалко. В руках кульки, авоськи, сумки. Всё это потоком ринулось к трапу. Я засмотрелся на двоих влюблённых. Они выделялись своим спокойствием среди всеобщей суеты. У них были такие светлые и счастливые лица, что мне тоже щемительно захотелось вот так стоять, прижавшись к любимой и ни о чём не думать. И тут меня толкнула женщина.

– Э, молодой человек, помогите с сумкой. Вы обещали! Хаим, за мной!

Салон постепенно пустел, а автобусы у трапа наполня-

лись. Сразу захотелось назад, домой. Но вслед за двумя влюблёнными я всё-таки вышел. Как только их ноги коснулись земли, они упали плашмя перед автобусом и стали целовать бетон аэродрома, читая молитву. Никому непонятные слова, возможно идиш или иврит, обратили на себя внимание остальных пассажиров.

– Радуются, что живы, – голос из толпы заставил всех рассмеяться.

Три автобуса, полные новых евреев, поехали в своё будущее мимо самолётов, мимо девчонок и парней с автоматами наперевес.

– Здравствуй, капитализм. Встречай меня.

Пройдя паспортный контроль, я вышел из здания аэропорта и понял, что теперь мне придётся жить в горячем аду, раз не жилось в зелёном раю. Я оглянулся с тоской назад, но потом взвалил на плечо сумку с надписью «Риббок» и пошёл навстречу такси, которое отвезло меня в город...

...Машина остановилась как раз тогда, когда в своём воспоминании я прошёл паспортный контроль. Где я был тогда – и где сейчас? Кем стал за эти годы? Солдат, которого ждёт Англичанка, железная кровать и Борька за шкафом.

– Мы вернулись.

Синяк на руке болит и ещё смертельно хочется спать. Организм, коснувшись попой кровати, расслабился и тут же боль от падений и ударов стукнула по мозгам. Шум телевизора в холле рассказывает о неудачной операции и двух за-

стреленных евреях из армии обороны Израиля. Одного звать Влад второго Андрей.

– Влад, вас убили! – вбежал Фанта, завёрнутый в полотенце, и тут же в недоумении остановился. Почти уснувшие двое смотрели на него удивлёнными глазами.

– Ты что, с ума сошёл? – я еле выдавил из себя.

– Да нет же, убили, – уже как то тише ответил Фанта. – Пойдёмте в вестибюль, там телевизор только об этом и орёт.

Интерес такая штука, что любую усталость пересилит. Мы с Андреем остановились в толпе у телевизора.

– Чёрт, вот почему я так боялся сегодня. Знал же, что убьют.

А телевизор всё распинался об израильтянах, что хотели расстрелять сирот. Но с помощью Аллаха были убиты двое из них. Один, судя по нашивке, Влад с русской фамилией, а второй – Андрей, тоже с не очень еврейской фамилией. Те двое, одетые в наши одежды совсем не были похожи на нас. А мы были в их одеждах живы и смотрели очередной бред по телевизору. Вскоре всё это надоело. Кривые взгляды окружающих солдат заставили уйти в комнату. Заходим, а там Илия в душе моет своё огромное тело и поёт грузинскую песню. Я слушаю её и вдруг начинаю понимать слова. Закрываю на секунду глаза и опять проваливаюсь всё в тот же сон. Мой путь сюда был не очень длинным и не очень коротким...

Глава 3

Большой город, большие деньги. Всё что требовала от меня моя новая родина, это повиновение. За это в банке дали ссуду. И этим сделали меня не совсем свободным человеком. Купил квартиру и стал принадлежать только ей. Любые желания работодателя я выполнял чётко. Всё время боялся остаться без денег. Раб квартиры, я был как джин в своём кувшине. Мы стали с ним невероятно похожи в этом восточном мире жары и красивых песчаных дюн. Как и джин, я каждый раз возвращался в квартиру после выполненного задания. Как сказочный герой я мчался по вызову телефонного звонка на место, где ждал меня работодатель. Раб квартиры нужен был везде. Я так боялся потерять работу, что соглашался на всё, что мне предлагал хозяин. Вечером приходил уставший домой, купался, садился возле компьютера и только теперь, в виртуальном мире, получал свободу. Я был героем женских сердец, и мне нравилась власть над некоторыми из них. Это так увлекало, что порой я сидел у компьютера всю ночь, а утром вновь торопился к своему господину. Вот так я и существовал, загнанный раб в загнанном мире.

Но однажды, то ли бог смилостивился надо мной, то ли фортуна вспомнила о моём существовании. Пришла повестка в армию и внутри меня всё изменилось. К этому времени я уже прожил в Израиле два года и был далеко не тем вос-

торженным ребёнком, который приехал в страну. Всё что у меня было, это сносное знание иврита и профессия «принеси, подай, иди и не мешай».

Мой хозяин Фуат подержал повестку в руках и улыбнулся.

– Зачем тебе всё это? Ты уже не мальчик, чтобы бегать и выполнять приказы.

– Да. И поэтому, Фуат, теперь ты не будешь отдавать мне приказы таскать цемент.

– Ты что? Как ты мог такое подумать? Марш, тащи раствор.

– Фуат! А как же твои слова?!

– Ты помогаешь заработать мне, а я даю заработать тебе.

Понятно?

Лицо араба сразу изменилось. Когда что-то шло не по его сценарию, он становился злой. В чёрных глазах я увидел ненависть.

– Ты что, Фуат, сердишься на меня?

– Все вы евреи одинаковые. Вам бы только ничего не делать.

– Ну, ну, Фуат, не нервничай. Я только съезжу туда и сразу вернусь.

– Ты мне это точно обещаешь?

– Конечно, обещаю.

– Ладно, тогда неси раствор и не забудь ещё ящик с плиткой. А потом сбегай за водой и можешь быть свободен.

– Вы сегодня невероятно добры ко мне, – сказал я арабу

на русском языке.

– Я ничего не понял, – крикнул он мне из соседней комнаты.

– А ничего и не надо понимать. Сиди, работай, а я за раствором.

Ведро с цементом уже ждали меня. Хитрый Фуат знал, что я вернусь, поэтому и отпустил. Кому я двадцатилетний нужен в армии?

– Плитка в ящике. Вода в баклажке, а раствор в ведрах. Фуат, я могу идти?

– Да, да, и помни об обещании.

– Пока, мой ненаглядный араб.

– Ты что-то сказал?

– Нет, это я попросился на русском.

День пробежал быстро, и следующее утро не заставило себя долго ждать. Таких как я, с повесткой в руках, у дверей военкомата было человек тридцать. Короткие стрижки, смуглые лица, смех и разговоры только о боевых войсках. И всё это на иврите. Вот тут я понял, что знаю ещё далеко не все слова. У меня было так мало общения за эти два года. Да и с кем общаться, когда друзей так и не нашёл? Я давно привык быть один, ещё там, на тренировках. И даже работа у Фуата мне нравилась именно потому, что там я всё время был один. Уж такой я вырос. Небольшой рост, русые волосы, не очень короткая причёска. А ещё я молодо выглядел, и в свои двадцать шесть лет был похож на восемнадцатилетнего соседа.

Ему, как и мне, почему-то дали отдельные карточки, отвели в сторону и сказали ждать. Наверное, причиной этому было наше умение стрелять.

Через некоторое время пришла женщина в военной форме. Она посмотрела на нас и поманила пальцем. Мы вдвоём подошли. В протянутую руку отдали удостоверения мастеров спорта. Она внимательно их изучила и отдала обратно.

– Пошли, – на чисто русском языке сказала мне, а соседу повторила то же самое только на французском. Мы, повинувшись, потопали за ней на улицу. Там ждала легковая «Пэжо». В ответ на дистанционное управление машина пискнула, и открыла двери.

– Садитесь, – женщина указала на заднее сидение.

Ну вот, служба и началась. По рассказам из Союза я знал, что солдат часто используют на стройке. Подумал, нас тоже сейчас припадут. Но израильская армия не Союз. Это я понял, когда нас привезли к маленькому зданию.

– Выходите, – сказала наша сопровождающая на французском языке, а потом и на русском. Милая женщина лет 45 вышла из машины и потянулась.

– Ну, чего вы стоите? Марш!

– Куда?

– Вон двери, видите? Туда и идите.

Пиная песок ногами, мы отошли от дороги. Заброшенная шиномонтажная станция довольно интересно выглядела со стороны. Наша командирша подъехала к груде старых ма-

шин. Но её «Пэжо» была настолько древняя, что рядом с этой грудой она казалась металлоломом. Я нажал на звонок у двери. Где-то далеко дзынькнуло. Через какое то время с той стороны спросили:

– Кто?

– Открывай, Яков.

Ответ был опознан и дверь открылась. Мы ещё не были солдатами и поэтому нам тихонечко сказали:

– Входите.

Закопанный в песках огромный, метров четыреста, подземный бункер встретил нас прохладой. После невыносимой жары на улице, это как попасть в другой мир. Яков свернул в один из коридоров, а мы пошли к рубежу, где уже лежали две готовые винтовки.

– Ну, что вы смотрите на них, как красны девицы? Сейчас проверим, как вы стреляете.

Желание отличиться вдруг исчезло. Я мастер спорта по стрельбе из лука, а не из винтовки. Но в мозгу пронеслось: «Молчи и стреляй». Француз, темнокожий парнишка, рассмеялся. Взял винтовку, передёрнул затвор и выстрелил. Гильза со звоном упала на бетонный пол. Я повторил всё то же, но медленнее. И мой выстрел ознаменовался попаданием в мишень. Я весело подмигнул французу, чем невероятно разозлил парнишку. Тот выстрелил ещё, а я вслед за ним. Оба промазали. Приклад непривычно долбал меня по плечу после каждого выстрела.

– Теперь лежачее положение.

Я очень удачно хлопнулся на пол. Не знаю, откуда во мне всё это взялось? Наверно родилось с моим приходом в эту жизнь. Но теперь я закрыл глаза и ждал удара сердца. Поймал мишень в прицел и выстрелил. Француз усиленно палил рядом, пока не опустошил всю обойму. Моё попадание заставило улыбнуться не только меня, но и женщину. Француз нервно вскочил. Винтовку оставил на земле. Я дострелял всю обойму. Почти все пули легли в железяку. Встал вместе с винтовкой. Вытолкнул последнюю гильзу и погладил пустое дуло. Сам не знаю, почему, тихо шепнул:

– Спасибо тебе.

– Теперь попробуйте по бегущей мишени.

Голос заставил задвигаться вдалеке силуэт, похожий на человека. Каждый получил по одному патрону. Мишень двигалась влево от нас. Я привык стрелять на вынос. Вставил патрон, щёлкнул затвором, прицелился. Бабах и попал. Француз почему-то засуетился, и патрон выпал из рук. Пока поднимал, мишень уехала.

– Не успел, – засмеялась женщина.

– Не успел, – ответил тот и положил винтовку к ногам.

– Что чувствовал, когда попал в мишень? – спросила женщина у меня.

– Не знаю. Как то всё само получилось. Не я командовал телом, а инстинкты, которые во мне. Может при выстреле я чувствовал, что свободен от этого мира и вовсе не раб.

– Раб? Почему раб?

– Потому что всё время должен только работать.

– Ну, а при выстреле?

– Я на миг вернулся в свой спортзал и там остался на время выстрела.

– Я думаю, это всё. Отставь винтовку.

– Куда?

– Ну, положи её на пол. Потом заберут.

– Скажите, нас возьмут в боевые войска? – заговорил француз на иврите.

– Вас примут, только куда-то подальше от передовой. То же мне, стрелки! 50 процентов попадания.

– Но?!

– Никаких но. Поехали. Яков, мы закончили.

– Пусть распишутся в журнале.

– Да, прости. Пойдёмте, распишетесь, что зря израсходовали имущества армии на тридцать долларов. Ну же, Влад, не грусти. У тебя всё получится, но только не здесь, а где-то в другом месте.

Всё остальное было уже не важно. Я не прошёл тест по стрельбе. Теперь я нужен только Фуату и его раствору. Вернувшись к зданию военкомата, мы стали проходить обычную процедуру вместе со всеми. Девушка в военной форме что-то спрашивала в окошечко, я отвечал на вопросы. Последний был:

– Вы хотите служить в действующей армии обороны Из-

раиля?

Я взглянул ей в глаза, и спросившая опустила голову. В моем взгляде наверно была мольба: «не прогоняйте». Девчонка покачала головой. А я подумал:

«скажи же да».

– Да, я хочу служить в действующей армии обороны Израиля.

– Вот здесь распишитесь и ждите письмо.

– И это всё?

– Я что вы ещё хотели услышать?

Вот так девчонка кивком головы решила мою судьбу.

– До свидания.

В этот момент я почувствовал, что стал в здании военкомата частью чего-то большого и сильного.

Автобус отвёз меня домой, и я стал ждать письма. День сменялся днём, но кроме банковских счетов и рекламок ничего не приходило. Каждый день я не терял надежду, но она становилась всё меньше и меньше. Постепенно я перестал надеяться и уже не бежал к почтовому ящику, всё больше превращаясь в раба своей квартиры. Вёдра с раствором, плитка и какие-то порошки, вода в баклажке – вот что стало частью моей жизни. Мне совсем не хотелось учиться. У своего Фуата я неплохо зарабатывал. Зарплату получал вовремя и без обмана. Это меня вполне устраивало. Мне некуда было пойти, и я весь отдался работе от рассвета и до заката. Я практически жил на стройке рядом со своим арабом. Это

хоть как-то отвлекало меня от пустой квартиры. Мои родители тоже переехали в Израиль, но ненадолго. Сразу подались в Америку, где неплохо устроились, а сестра получила образование. Потом сестра перебралась в Австрию, где и нашла себе приют, выйдя замуж. Хорошее медицинское образование и работа по специальности окончательно решили её судьбу. Они изредка звонили, поддерживая видимость семьи. Я же никого не хотел видеть. Просто толкал свою жизнь с каждым новым днём поближе к концу.

И вот именно в таком настроении меня на работе застал звонок. Тихий голос, после небольшой паузы, спросил:

– А куда я попал?

– А куда вы целились? – схохмил я и в ответ сам засмеялся.

А там, на другом конце, ответили:

– Очень смешно. Вы Влад?

– Да, я.

– Посерьёзнее надо быть.

– Буду, только зачем я вам?

Минутная задержка ответа растянулась в вечность.

– Прошу вас, выйдете из здания стройки, подойдите к белой машине и ждите.

– Я выиграл приз в программе «Розыгрыш»?

– Это не розыгрыш. Для вас это будет лучше, если вы выполните приказ.

– Приказ?

– Да.

Неужели, я дождался? Ноги сами понесли меня к хозяину. С первого на пятый этаж я примчался без одышки.

– Фуат, ко мне приехали. Отпустишь на пол часа?

– Конечно.

Поедая свою питу⁹, весь заевшийся хумусом¹⁰, мой хозяин махнул рукой. Потом пробормотал что-то невнятное с полным ртом:

– Твой обед, иди куда хочешь.

Любопытство разрывает меня изнутри и придаёт энергии мчатся на улицу. Ноги перепрыгивают через одну ступеньку. Вот он улица. Встречай своего еврея! Передо мной дорога, а позади дома машины спешат куда-то одна за другой. Над головой сине небо и жгучее солнце. Вокруг строительный мусор, а слева и справа стоят возле вагончиков припаркованные машины. На заборе, в том месте где была дырка, кто-то нарисовал женщину. Юный Айвазовский сделал ещё надпись: «Под краном не стой». Так получилось, будто это говорило отверстие в заборе. Смотрю на стоящие машины – все пусты. Расстроенный собрался обратно.

– Эх, чёрт. Кто-то пошутил.

Опустил голову, и хотел было идти, но в кармане ожил

---

⁹ Пита – круглый, плоский пресный хлеб, который выпекается как из обойной муки, так и из пшеничной муки высшего сорта.

¹⁰ Хумус – распространённая на Ближнем Востоке пюреобразная холодная закуска из нута (бараньего гороха) с тхиной – кунжутной пастой.

телефон. Рука потянулась, вернее, бросилась в карман. Приложил трубку к уху.

– А ты подкачался.

Слышу всё тот же женский голос.

– Не верти головой, всё равно не увидишь. Завтра заболеешь или умри, но чтобы хозяин тебя не ждал. Мы уезжаем.

Гудок оборвал разговор. Может это обман, а может сам Фуат захотел избавиться от меня, чтобы не платить зарплату? Возвращаясь к нему я обдумывал, почему всё это произошло вот так, а не иначе. И тут опять тело решило за меня и толкнуло ногу на плитку, стоимость которой была около пятисот долларов. Глухой хруст под моей ногой рассердила хозяйина.

– Что ты делаешь?

Моя улыбка добила его миролюбие. Став ещё злее он не сдержался и вскочил.

– Фуат, сильно не дёргайся. Сейчас как вдарю больно. Так что лучше сядь на место.

– Ты уволен! – мой хозяин перешёл на писк. – Зарплату не получишь! Она уйдёт на оплату плитки, которую ты растоптал. Как я вас русских ненавижу!

– А зря, – сказал я и это ещё больше его разозлило.

На его крик сбежались арабы со всех этажей. Их было очень много, и я решил не умирать в этот день.

– Прощай!

Фуат кричал, махал руками, а арабы бросились за мной

по коридору. Но дальше здания им выходить нельзя, потому как нелегалы. Я выскочил на улицу во второй раз за пол часа и свистнул такси. Оно отвезло меня домой. А там телевизор и душ. Комната уже совсем не давила одиночеством.

– Завтра меня заберут! – комнату наполнил первобытный крик одинокого мужчины.

Потом по моему жилищу расплылся уютный запах пиццы. Я уселся в кресло. Первый раз за всё время моего пребывания в Израиле спокойно закрыл глаза и вдруг почувствовал, как же я устал. В это миг я уже не был рабом. Я освободился. Теперь я чистый лист, на котором судьба напишет новую главу.

Глава 4

Вскоре этот чистый лист, объевшийся пиццы, устал ждать рассвета и, в конце концов, уснул под утро. Телефонный звонок застал меня врасплох в тот момент, когда сладостный сон заполнил разум. Снился дом, семья. И всё это оборвалось в один миг писком мобилки. Рука стала шарить в темноте, но, не нащупав трубки, потянулась к выключателю. Я с трудом разлепил глаза и увидел что номер не определён. Телефон замолчал, очевидно, устав меня будить.

– Неужели опоздал? Неужели всё?

Посмотрел в окно, а там рассвет. На часах только пол пятого.

– Ну, ничего себе! Позвонил кто-то!

Глаза снова стали медленно закрываться и только ко мне прикоснулся сон, как телефон зазвонил опять.

– Я слушаю? – возбуждённо крикнул я, готовый разорвать звонившего.

– Долго спите молодой человек, – отчитал меня женский голос. – Выходите на улицу. Вас будет ждать машина.

– А куда идти то?

– На остановку, что в сторону города.

– Спасибо!

Меня не надо просить дважды. Схватил сумку, в которой было чуть-чуть вещей плюс зубная паста, мыло и шам-

пунь. Так, для смены, если что. Посмотрел на комнату. Обвёл взглядом пустое жилище с молчащим телевизором.

– Ну, я пошёл, – сказал сам себе и вышел за порог.

До остановки идти совсем ничего. Бег сократил это расстояние в два раза. Отдышавшись, я остановился и стал ждать там, где было велено. На остановке в такую рань уже стояли люди. Подъезжали машины, автобусы, грузовики, брали женщин и мужчин и везли их к месту работы. Моя машина всё не ехала.

– Неужели я опоздал?

С восходом солнца эта мысль всё сильнее захватывала мозг. Я стал нервничать, срываться с места и подходить в каждой подъехавшей машине. Но всё зря. Очередной водитель говорил мне, что я ему не нужен. Вот едет военный грузовик. Я обрадовался и на душе тут же полегчало. Всё в порядке, сейчас меня заберут. Счастливый подошёл к обочине дороги, но грузовик придал газу и промчался мимо.

– Чёрт, завтра придётся снова идти к Фуату. Заплачу ему за поломанную плитку. Вряд ли он нашёл мне замену, – уговорил сам себя и как-то успокоился внешне, хотя внутри меня разрывала на куски досада.

Я остался на остановке совсем один. Все уже уехали. С расстроенными чувствами поднялся и хотел идти, как к обочине подъехал старенький «Субару». Я совсем не обратил на него внимания и очень удивился, когда меня позвал знакомый голос.

– Ну что, мы уже не хотим верой и правдой служить народу Израиля?

Обернулся.

– Хотим, – обрадовался я и побежал к открывшемуся окну.

Присел и заглянул внутрь. В машине была женщина, тестирующая когда-то мою стрельбу.

– Ну, чего стоим? Здесь остановка запрещена. Сейчас влепят штраф. Садись быстрее.

Я ринулся к переднему сидению.

– Куда? Полезай назад.

Без слов метнулся к задней дверце. Вкинул сумку и сам уселся рядом.

– Готов?

Махнул головой. Женщина довольно холодным оценивающим взглядом посмотрела в зеркало над собой. Улыбка на моём лице сразу исчезла.

Машина рванула с места и повезла меня в желанный путь. По мере движения большие дома города сменились маленькими загородными домиками. Потом и они закончились. Начались сады, на смену которым пришли поля, а потом и пустыня. Боясь потревожить хозяйку, я не просил включить кондиционер, а просто открыл окно. Мы двигались без остановки в глубь страны. Кусок пустыни кончился и вновь пошли поля и оливковые рощи. Дома и домики мелькали за окном, пока мы не подъехали к железным воротам. Вышел

охранник и отдал честь моему водителю. В ответ получил улыбку и улыбнулся сам, но когда увидел меня, то сразу по-серьёзнул.

– Ас вами кто?

– Мой работник.

Я слышал рассказы об израильской армии, но думал, что она всё-таки отличается от советской. Ждал, что сейчас откроются ворота, и мир армии встретит меня своим шумом. Жёлтая дверь отъехала перед нами в сторону. Первое что я увидел, это гуляющих на лужайке павлинов, персиковые деревья и разные растения вокруг. Здесь был какой-то оазис, а совсем не армия. Автомобиль въехал на территорию и за нами сразу закрылись ворота. Ухоженные домики из красного кирпича, не похожие один на другой, смотрели в окна машины. Мы остановились возле самого некрасивого. По всему было видно, что здесь давно не было хозяина. Мотор заглох.

– Выходи и забирай с собой всё своё барахло.

Женщина вышла из машины вслед за мной. Я толкнул рукой дверцу. Слегка не рассчитал силы, и та хлопнула громче обычного.

– Ещё раз так поступишь, будешь ходить пешком на свою стройку. Понял? Кстати, меня зовут Рахиль.

– Очень приятно. Влад.

– Ну, вот и познакомились официально. Теперь ты будешь жить вот здесь, и прошу, не задавай дурных вопросов. Видишь сколько работы перед тобой? Живи и не болтай. Учись

всему, чему сможешь научиться.

– Ну, выживать я умею.

– Пошли болтун, я покажу тебе твоё жилище.

Предупреждённый взглядом решил больше не юморить и поплёлся за ней в глубь сада.

– Чёрт, от одного плиточника-самоучки избавился, теперь к садовнице попал. Но всё-таки пусть лучше так. Она хоть не будет заставлять таскать цемент в вёдрах. Судя по дому богатенькая. Сейчас определит мне место, и буду я здесь жить как в раю.

– Что ты там всё время бормочешь?

– Да вот, думаю, сколько вы мне платить будете, как садовнику?

Вместо ответа я наткнулся на внезапно остановившуюся Рахиль. Резкий, недовольный взгляд и мне уже не хотелось слышать ответ.

– Скажи, сколько павлинов было на выезде из кибуца?¹¹

– Не знаю, – ответил я, наслаждаясь сорванным персиком.

Сок, стекая по щёкам, вызвал в её глазах какое-то отвращение ко мне.

– Я повторю вопрос, и если не ответишь, останешься без ужина.

– Пять, – буркнул я с косточкой во рту.

– Ответь нормально, не мямли.

---

¹¹ Кибуц – кооперативное сельскохозяйственное предприятие в Израиле (сельскохозяйственная коммуна).

– Пять.

Хотел добавить: «чего тут непонятого, старуха», но помолчал. Целее буду, подумал про себя.

– Иди, вон твоя кровать.

Указала мне в глубь сада, где ещё со времён второй мировой войны стояла железная кровать.

– Ты остаёшься без ужина.

– Я случайно не в концлагерь попал?

– Заткнись юморист и больше ничего не говори.

Вместе со словами она подняла над собой кулак и сжала пальцы. Я такое видел в кино. Когда главный герой вёл за собой по джунглям людей, то этим движением он заставлял их замолчать.

Оставив свою домомучительницу позади, молча пошёл к кровати. Я вновь остался один, но уже не на стройке, а в саду. Бросил сумку под железные пружины, сел на них, и моя попа коснулась земли. Взглянув на деревья, увидел, как из дома опять вышла женщина.

– На вот, возьми, – кинула с порога спальный зелёного цвета. – Постели себе.

Вытащила сигарету изо рта и потушила о порог ногой. Окурок не убрала, а столкнула со ступенек в сторону сада.

– Обустраивайся. Завтра у тебя тяжёлый день.

Красные военные ботинки на её ногах привлекли моё внимание. Я подошёл ближе, но не к Рахиль, а к ботинкам на её ноге.

– В дом не заходить, в окна не смотреть, а иначе позову полицию.

– Дышать то можно?

– Только попробуй нарушить моё распоряжение и живо окажешься в полиции. А ещё раз пошутишь, останешься без завтрака.

– Слушаюсь, мисс, – ответил, подражая военным, и всё смотрел на её ботинки. Откуда они у неё? И ещё это движение кулаком? Ну, я попал! И позвонить то некому. Слышу, завёлся двигатель. Всё дальше и дальше стал удаляться звук мотора, пока совсем не исчез за заскрипевшими воротами жёлтого цвета.

– В дом не заходить, – повторил сам себе и заглянул в окно.

Но за стеклом ничего не было видно. Взял спальник и пошёл в глубь сада к кровати.

Персиковые деревья вокруг окружили меня словно солдаты своими ровными рядами. Где-то далеко сейчас жара и Фуат матерится и проклиняет меня за то, что не вышел на работу. Я коснулся висящего персика, но не сорвал. Бархатная кожа подарила нежность прикосновения. Всё-таки хорошо, что я здесь! Может, найду своё счастье с дочерью какого-то кибуцника. Витая в своих мечтах расстелил спальник. Жаркое лето, тёплая осень впереди, а значит не стоит бояться холодов. Можно побыть у хозяйки рабом, главное чтобы в зарплате не обманула. Лёжа на кровати, задрал ноги

на железную спинку.

– А тётушка Рахиль где?

Неожиданные слова заставили вскочить. Взглянул на дом, а там, у порога, стоит бабка и разглядывает меня любопытными глазами.

– Я не знаю.

– Вы её новый работник? Предыдущего она два дня назад уволила.

– Наверное.

– А она вам, молодой человек, про крошки ничего не говорила? Для павлинов должна была оставить.

– Да нет, ничего мне не говорила.

– Ну, тогда я пойду.

– Конечно, конечно. Я вас не задерживаю.

– А знаете что, молодой человек? – интонация голоса резко изменилась.

Вместо старческого немощного, зазвучал громкий и повелительный.

«Сейчас что-то попросит», – пронеслось в голове.

– Не поможете ли мне загнать павлинов за ограду?

– Да, запросто.

Отстегнул от сумки ремешок и пошёл догонять бабушку.

– Сколько павлинов на въезде в кибуц?

Слова Рахиль сами всплыли сейчас в памяти.

– Семь.

Теперь я знал ответ. Последний павлин получил по облез-

лому, словно старый веер, хвосту и направился за остальными. Тем временем старушка вынесла кружку воды и хлеб, намазанный мёдом.

– Вот это дело, – сказал я сам себе и вернулся в сад с добытой едой.

На полный желудок лучше спать, что я счастливый и сделал.

По-моему я только успел закрыть глаза, как меня разбудил писк тормозов. Зашумела рядышком листва. Вернулась хозяйка.

– Ну что, уже лежишь?

– Да, а что ещё делать? Иначе полиция.

– Ты смотри, какой исполнительный!

Рахиль уселась на порог дома и закурила. Над её головой не было ветвей деревьев, и в этом проёме зажглась первая звезда.

– А павлинов было семь.

Выпустив тонкой струйкой дым, Рахиль посмотрела в сторону сада.

– Молодец. Ты хоть бабуле сказал спасибо за мёд?

– Заметьте, за вкусный мёд. Нет, к сожалению забыл.

– Чтобы не смел больше ни у кого кормиться! Понял?

Иначе что?

– Полиция.

– Молодец, а теперь можешь спать.

Глава 5

Над крыльцом зажглась лампочка. Свет выдал улыбку Рахиль, такую яркую и милую, что я не удержался и сделал комплимент.

– Я теперь буду обращать внимание на малейшие мелочи по дороге и здесь, в саду. Лишь бы вы улыбались.

Она ничего не ответила. Выключила свет и вошла в дом. Мне ничего не оставалось, как закрыть глаза и моментально провалиться в сон прямо под звёздным небом. И только я начал смотреть сладкие сны, как вдруг что-то толкнуло меня. С перепугу я не понял где нахожусь и шлёпнулся с кровати прямо к ногам Рахиль.

– Давай ка, за работу.

– Прямо сейчас? Дайте поспать, ночь же на дворе!

– Ну да. А ты хотел валяться здесь вечно?

– Хотел.

– Иди шутник, работай.

Протянутая майка и шорты были тут же одеты.

– Зубы без меня почистишь. Я жду тебя в машине.

– А покушать?

– Не заслужил.

Рахиль прошла немного вперёд, виляя попой, и добавила:

– Ещё не заслужил.

– Эх, чёрт. Во не везёт то как.

– Не чертыхайся при даме. Иначе что?

– Полиция.

– Молодец. Открой поливочный шланг. Там вода для тебя.

Рахиль была сейчас похожа на домомучительницу или на плантатора и мне приходилось повиноваться ей. Почистил зубы. Сел на заднее сидение пикапа.

– Поехали?

– Поехали, – буркнула она, и пикап тронулся в темноту.

Свет фар вырывал из ночной темноты встречные предметы.

Машина ехала без остановки. Только я стал засыпать, как опять запищали тормоза.

– Да что же это такое? Мне дадут сегодня поспать?

– Выходи.

– Куда? Кругом же ночь.

– Выходи, я тебе сказала.

Я вышел и подошёл к окну. Она опустила стекло и шепнула:

– Вон, видишь огоньки?

Я поднял взгляд. Далековато будет. «Только не говори, что мне нужно туда бежать» только и успел подумать.

– Там в багажнике мешок с песком. Ты должен отнести его к тем огонькам. Не разочаровывай меня, прошу. Приди до рассвета.

– А больше ничего не надо сделать?

– Придёшь на место, узнаешь.

Только она отъехала, как темнота со всех сторон захватила меня. Вокруг поднимались высокие стебли кукурузы и висела полная тишина.

Ох, как я только этот мешок не тащил. И на плече, и в руках, и под мышками. Падал столько раз, что сбился со счёта. Поцарапанный и побитый, преодолел, наконец, расстояние в 10 километров. Вошёл, это мягко сказано, быстрее приполз на территорию фабрики с рассветом.

– Чего стоишь?

Бородатый мужчина собирал кукурузу с земли.

– Мне бы полежать немного.

– Ты от Рахиль?

– Да.

– Так значит ты теперь её садовник? Давай собирай кукурузу с земли, иначе...

– Я знаю, полиция за незаконное проникновение.

– Ну, вот и молодец.

Я собирал эту кукурузу, кидал её и ненавидел всей душой. Мой организм из последних сил желал отдыха. Но вот вместе с шестью рабочими нелегалами мы собрали 50 тонн. Солнце уже поднялось довольно высоко. Только сели отдохнуть, как приехал ещё один грузовик.

– Чего расселись? Кукуруза высохнет, – закричал всё тот же бородатый человек, вышедший с бумагами.

– Чёрт, – выругался я и обмотал голову футболкой.

Только сейчас я заметил на изнанке надпись на иврите. Она обозначала собственность армии. Так бы наверно и умер возле горы кукурузы, но спасла Рахиль.

С какой радостью я бросился на крик «Влад», с такой же ненавистью я посмотрел вслед уехавшему автомобилю, оставившему мне мешок с цементом. Лишь к вечеру я добрался домой. Рахиль не было, а бабушка Сара ждала меня, чтобы загнать павлинов. Навязчивая мысль о еде крутилась у меня в голове. С жестокостью я хлестал ремнём дивных птиц, пока не загнал их всех в клетку. Получив свой кусок хлеба, я заглотнул его вместе с кружкой молока и отправился в сад.

Там я и встретил его, своего друга. Закатные лучи алыми отблесками плясали на стёклах домика Рахиль. Птичьи голоса наполняли вечерний персиковый сад. Уставший от напряжённого дня я в каком-то полусне добрался до кровати. В желудке было полно, а в голове пусто. Сытый сон уже захватил мои веки, и тело приятно расслабилось после тяжёлого физического труда. Я блаженно коснулся скрипящих пружин, как вдруг снизу вынырнул щенок. Такой смешной и немножко грустный. Его симпатичная мордочка была испачкана объедками еды. Малыш был совсем один, впрочем, как и я. Он вряд ли знал что такое ласка и любовь. Резко присев на корточки я испугал гостя, и он отпрыгнул в сторону. Но очевидно ему очень хотелось быть чьим-то, и щенок потихоньку подошёл ко мне, виляя хвостом. Доверчивыми глазами он заглянул в моё уставшее, небритое лицо. У ме-

ня сейчас был, наверное, не самый красивый вид, но малыша это нисколько не смущало. Забыв об усталости и проблемах, я с каким-то внутренним трепетом протянул руку. Мой гость ткнулся влажным носиком в ладонь и тут же шлёпнулся на бок, подставляя свой розовый животик, поросший мягким пушком. Получив свою долю почухивания, он вскочил на лапки и облаял меня, при этом усиленно виляя хвостиком. Очевидно, это означало полное признание. Официальное знакомство состоялось, и я понял, что подошёл ему по всем параметрам.

– Ну что ж, малыш, уговорил. Живи рядышком, только кормить мне тебя нечем.

В кружке осталось ещё немного молока, которое мой новый друг с удовольствием вылакал.

– Ну, ничего. Завтра что-нибудь придумаем.

Весь остаток вечера я провёл с ним, и на душе стало как то легко и свободно. Мы так и заснули в персиковом саду: я на кровати в зелёном спальнике, а он внизу, свернувшись калачиком у моих ботинок.

На следующее утро приехала Рахиль и забрала меня на стрельбище. За целый день стрельбы я совсем забыл о маленьком друге и только вернувшись, услышал, как плачет оставленный щенок. Увидев меня, малыш радостно гавкнул.

– Господи, хороший мой! Прости, я совсем забыл о тебе.

Наострив ушки, щенок подбежал и начал облизывать мои руки, лицо и всё, что попадалось под его шершавый

язычок. Он тихонько поскуливал и, казалось, говорил: «Я проснулся – а тебя нет. Я так испугался, оставшись опять один. Смотри, какой я весёлый. Я люблю тебя. Почему ты ушёл?».

Ласково прижимая щенка к себе, я на мгновение замер.

– Малыш прости, что забыл. Прости.

Успокоившись, он уютно устроился у меня на руках, а я слушал, как стучит его маленькое, но такое горячее и преданное сердце.

– Прости ещё раз мой малыш. Я знаю, что это такое, тоже был одинок. Теперь я больше никогда тебя не брошу и никогда не сделаю больно.

Ночь наступила очень быстро. Накормленный щенок уснул возле моего живота. Маленький пушистый комочек дарил мне своё тепло, иногда поскуливая во сне. Вот так мы бы сладко и спали всю ночь, если б Рахиль опять не разбудила меня ни свет, ни зоря.

Теперь на пригорке высадили не только меня, но и моего щенка. Пол дороги он бежал рядом, а дальше кроме мешка мне пришлось нести ещё и уставший пушистый комочек. Как то не хотелось бросать его на растерзание шакалам или ещё какой зубастой твари. Вот в таком темпе прошёл месяц, а может и два. На фабрике кукурузу сменили яблоки и авокадо. Принимая всё как должное, я стал быстрее бегать с мешком на плечах. Щенок подрос и уже не просился на руки, а спешил рядом. Запоминая всё вокруг, я отвечал на вопро-

сы Рахиль точно и без ошибок. Это ей безумно нравилось. Каждый раз она приезжала после рабочего дня и, сидя на ступеньках, говорила мне:

– Будь равно душен ко всему. Всегда внимательно слушай, какой бы усталый ты не был. Будь или добрым или злым. Порой в тяжёлой ситуации добряки больше всего предают, а злые спасают от беды. Радуйся дню и, проживая его, не делай больно никому, кроме врагов.

В таких вечерних нравоучениях прошёл ещё месяц. Всё было хорошо, но когда в один прекрасный день она забрала щенка, мне показалось, что я умер. Боль наполнила меня до края. Это было единственное родное сердце, которое бескорыстно любило меня. Я бросился на Рахиль.

– Ты ещё не готов, – она остановила меня, выхватив пистолет.

Я вернулся к кровати, а домомучительница унесла собаку в неизвестном направлении. Утром, как ни в чём не бывало, Рахиль заехала за мной и заставила нести мешок. Вскоре, стараясь выжить в этом кибуце, я уже искал план побега. За это время я окончательно стал одиночкой и смотрел на всех жителей исподлобья, считая их врагами. Спал я уже не так сладко. Сквозь сон слушал, что творится вокруг меня. Наверное, ждал своего друга щенка. Но тот не приходил. Начался сезон дождей. Это был ужас. Я намокал и мёрз, порой не засыпая от холода всю ночь. Для меня было счастьем, когда солнце согревало мой сад. Я оброс и стал нелюдим.

Каждый день было одно и то же: работа, бег, стрельба. Иначе Рахиль нервничала и лишала еды. Год моего пребывания в кибуце скоро заканчивался. Я стал совсем не таким, каким приехал сюда. Чтобы экономить силы почти ни с кем не разговаривал. Мне так и не удалось сбежать.

Помню отчётливо, как в тот день пришла Рахиль и принесла бритву и мои документы.

– Сегодня праздник для тебя.

– Ты отпускаешь меня?

– Нет, в кибуце будет праздник урожая.

– Я не пойду.

Спокойно улёгся на всё ту же кровать, всё в том же саду.

– Ты не хочешь пострелять?

– А если я всех обстреляю, ты отпустишь меня?

– А если нет, ты останешься ещё на один год.

– Хорошо.

Рахиль рассмеялась.

– Готовься жить ещё один год. Сегодня сюда приедут лучшие стрелки. Не боишься?

– Ради свободы стоит рискнуть.

Рахиль посмотрела в небо и подставила лучам лицо. Она хотела ещё что-то сказать, но промолчала, села в свой автомобиль и уехала.

С приходом вечера все жители собрались на стрельбище. Их разговоры мне были не интересны. Рахиль пришла со мной и принесла Англичанку.

– На вот, возьми. Это мой подарок тебе. Она мягкая и нежная словно девушка. Полюби её и она подарит тебе свободу. Эта винтовка однажды полюбила моего сына, – и чуть промедлив, добавила, – чересчур она его полюбила. Помни, Влад. Никогда не впускай работу в свой дом. Оставляй её на пороге, иначе старуха смерть придёт за тобой.

Я пнул ботинком камень и не выдержал, задал вопрос:

– А где ваш сын?

У неё вдруг стал очень грустный взгляд.

– Его уж нет. Его убили, – это прозвучало безлико и монотонно, как будто говорил робот.

Я понял, что есть вещи, о которых не стоит спрашивать. Пристроив подарок в руках, посмотрел в открытые клапаны на всё вокруг. Оптика была отличная. Рахиль улыбнулась.

– Пошли, стрелок. Покажешь, что ты умеешь. Помни – один патрон, одна мишень. Удиви меня, и тогда можешь не выигрывать соревнования.

Мне показалось, что всё это время она испытывала и тренировала меня, любя как сына. Эта женщина старалась научить меня тому, чему тот так и не научился. Вот так мы пришли на стрельбище.

Тут нас остановил вопрос какого то бородача.

– Это твой новый ученик, Рахиль?

– Саймон, ты болтать пришёл или стрелять?

Резкий ответ обрезал все остальные желания поддёрнуть нас. Стрелки оценили меня и вернулись к расчехлению сво-

их винтовок. Каких игрушек здесь только не было: и англичанки, и русские девушки в умелых руках, и американки, и даже азиатки. Рахиль протянула мне патрон.

– Помни один выстрел, одна мишень.

Я вышел на рубеж, поднял винтовку. Открыл два клапана и поймал в прицеле мишень метрах в 600 от меня. Со всех сторон началась стрельба. При попадании происходил взрыв. Мало у кого получалось попасть. Одни перезаряжались, вторые молча уезжали. Я всё стоял и смотрел на мишень. Наконец медленно поднял плечо и вложил в него мою Англичанку. Лёг щекой на приклад и в прицеле-крестике поймал мишень. И вот вдохнув, я почувствовал, что сейчас выстрелю вместе с ударом сердца. Но внезапный лай моего щенка отвлек меня всего лишь на миг. Я выдохнул.

– Ну же стреляй!

Крик Рахиль и лизание моих ботинок прибежавшим другом, наверное, должны были отвлечь меня. Но я не отвлёкся. Удар сердца – выстрел. Вижу взрыв. Значит, попал.

– Молодец, – впервые за время пребывания в этом аду Рахиль похвалила меня.

– Ты прошёл подготовку, и я со спокойной душой скажу, что ты готов. А теперь отдохни и понаблюдай за мастерами.

Усевшись в тени оливкового дерева, я махнул рукой и подбежал мой щенок, превратившийся во взрослого пса.

– Ах ты, бродяга! Где же ты был?

Свист не дал псу лизнуть моё лицо. Подчиняясь зову но-

вого хозяина, он оставил меня и кинулся к бородатому кибуцнику. Я проводил его спокойным взглядом. Любовь сейчас может быть только одна. Погладил свою Англичанку и, стряхнув с неё упавший лист, стал смотреть, как стреляют другие. До меня долетели слова:

– Он готов.

– Ты уверена?

Ответ заставил меня обернуться. Выглянув из-за дерева, я увидел человека в форме полковника и красных ботинках.

– Раз готов, тогда завтра я забираю его у тебя.

Рахиль улыбнулась, заметив мой взгляд.

– А подслушивать нехорошо. Ты слышал? С завтрашнего дня ты солдат армии обороны Израиля. Теперь ты часть большой семьи и помни – таких, как ты, единицы. Поэтому ты должен служить не ради почёта, а ради добра. Там ты не будешь обучаться, там ты будешь жить.

Рахиль уселась в автомобиль и умчалась прочь со стрельбища. Я хотел поговорить и ждал её у дома до самого утра, но она так и не вернулась.

Перед самым рассветом меня разбудил писк тормозов возле дома. По звуку я понял, что это не автомобиль Рахиль, поэтому не выскочил навстречу. Сел на пороге дома с винтовкой наперевес и стал ждать.

– Ну что, мы будем играть в гляделки, или поедем?

– Поиграем ещё немного.

– Эй, тебя звать Влад?

– Да.

– Тогда я за тобой. Не жди Рахиль, она не придет. Меня зовут Андрей. Мне приказано доставить тебя на базу, причём срочно. Там начинается заварушка. Твоя помощь скоро всем понадобится.

Андрей не переставал говорить. Я обвёл взглядом место, где прожил год. Оно стало для меня родным. Здесь я оставил прошлую жизнь и приобрёл новую.

– Погоди, Андрей.

Бросился в сад, скатал спальник и оставил его на пороге. Шепнул:

– Спасибо.

Посмотрел на дом и сел в джип с военными номерами. Бронированный джип качнулся мягко. Я сидел на заднем сидении рядом с Англичанкой. Колёса с мягким хрустом покатали меня по песку к выезду из кибуца. Я оглянулся: сад, полный персиков, ждал хозяйку. Выезжая за жёлтые ворота, я заметил машину Рахиль, на заднем сидении которой сидел новый «рабочий».

Глава 6

Вскоре мы приехали к старинному городу. Здесь были одни камни и много-много солдат, которые шатались туда-сюда. От такого шума и неожиданного слова: «выходи» я растерялся и остался в машине. Андрей удивлённо глянул на меня.

– Ах да, прости. Вот тут всё, что тебе надо.

С переднего сидения он протянул кулёк. Я подозревал, что там военная форма. Думал, она буде покрасивее. Ну, что-то вроде цвета хаки. А она оказалась простой тряпичной, которую здесь носят все солдаты.

– Твой размерчик!

Андрей засмеялся, глядя на моё разочарование.

– Ничего, прорвёмся, – сказал я сам себе.

Стянул штаны и натянул те, что были в кулёке. Приятная ткань прохладой обволокла ноги. Ботинки то ли жёлтые, то ли красные натянул на тёмно-зелёные носки.

– Красавец, ты хоть знаешь, куда приехал?

– Не знаю, – буркнул я, продолжая одеваться и не глядя на Андрея.

– Сейчас присягу крикнешь, и тебе дадут оружие.

– А у меня есть.

– Своё оставь, а то лишишься мигом. Потом получишь всё, что полагается.

– А что мне полагается?

Андрей улыбнулся.

– Если будешь хорошо себя вести, то полагается койка, спальник и немного приключений.

– Это мне подходит.

– Так чего же ты ждёшь? Ступай! Вон твой командир полковник.

Обучаемый Рахиль я понял, что вовсе не умею вести себя в окружении солдат. Как обращаться к командиру, что говорить? Меня сковало страхом, который вдруг исчез, когда полковник запросто протянул руку и скорее как друг, а не командир, похлопал по плечу.

– Ну что, пошли? Встанешь в строй.

– А куда?

– Да не тушуйся ты так. Всё хорошо. Ты только внимательно слушай и запоминай, а остальное всё придёт само. Доверься интуиции.

Не молодой и не старый военный в очках, привёл меня как сын отца к толпе солдат. Те приняли меня насторожено. У каждого были береты в цвет сапог, а я был без берета. То есть у меня он был засунут под обычным погоном.

– Он один из вас.

Никто не протянул мне руки, мол: «Ты кто и что тебе надо? Мы элита! Аты откуда появился такой?». Полковник взглянул на всех и заступился за меня, как отец за своего сына.

– Он вас спасёт, даже не задумываясь. А вы размышляете только над тем, протянуть ли руку в ответ?

Слова старшего по званию не звучали как приказ. Они были ещё одним уроком для тех, кого отобрали в этот отряд. И действительно, кто я был для них? Когда они учились выживать, я спал и убирал, стрелял и ждал окончания моего «садового» ада. Обветренные лица юношей были совсем недетскими. Кто-то буркнул из уважения к старшему и протянул мне руку. Потом засмеялись, подтолкнув меня, так как я не понимал их шуток.

Я остался тем же одиночкой, но теперь в окружении толпы одетой в форму. Автомат, слова присяги, повторяемые за девчонкой. Всё как в кино, но чувства не описать. Такой праздник бывает раз в жизни. Сердце как будто стало биться по-другому, и мир вокруг перестал быть просто миром. Он превратился в территорию, которую я должен теперь оберегать не потому, что надо, а по зову сердца. Всё изменилось, коме одного: всё то же солнце, то же небо и те же серые камни старинного города. Невыносимая жара и ещё много-много чужих мам и пап. Вот бы мои приехали и порадовались за меня. А может быть это и к лучшему, что их нет? Меньше знаешь – лучше спишь. В толпе много девчонок-солдат. Как же они прекрасны в форме. Она их стройнит. Я уселся на камень рядом с толпой гуляющей присягу и стал наблюдать.

– Правда здорово, когда семья!

– Ага, – ответил подошедшему Андрею.

– Ты почему, Влад, не присоединяешься? – слова полковника заставили меня подскочить. Протянутая банка кока-колы наполнила внутренности приятной прохладой.

– Всё хорошо, господин полковник. Немножко надо привыкнуть и всё.

Мы пожали друг другу руки и на этом разошлись.

– Давай ка я отвезу тебя домой?

– Андрей, отвези меня в месторасположение. Если можно?

– Вот ты даёшь! Да я это и имел в виду, когда говорил домой.

Среди разношёрстных машин на стоянке наш «Хаммер» казался слонем в посудной лавке. Те, кто пришли сюда, не обратили на меня никакого внимания. Ну и слава Богу. Теперь я буду жить именно так, и заниматься своим делом.

Дорога вперёд, гладкий асфальт. Это не российские дороги. Машина хоть и жёсткая, но идёт плавно. Мы шутя обгоняли легковые автомобили. За окном мелькали дома. Потом песок, песок, песок, потом оливковая роща. Андрей прибавил скорости и стал более сосредоточен до самой колючей проволоки, за которой стояли домики похожие на пионерский лагерь. Въехав на территорию, мы показали свои книжечки.

– Прибыли!

Андрей хлопнул меня по плечу.

– Какие прибыли? Одни убытки от вас.

Огромный мужчина, величиной с двухметровую гору, вышел на порог домика. Доедая гамбургер, он оценивающе посмотрел на меня. А я посмотрел на него. Правда, пришлось поднять вверх голову, чтобы получше рассмотреть великана. Грузинский нос, даже несколько больше чем еврейский, сильные руки и милая улыбка перемазанная кетчупом. Бу-тылка колы опрокинулась в открытый рот.

– Так это и есть Влад?

– Конечно, есть.

– Ох, он ещё и юморист. Мне подходит. Будет за мной патроны таскать.

– Бесплатно?

– Что бесплатно? Андрей, ты того Влада привёз? Или опять всё перепутал?

– Того, того. Другого и не было, – раздался сбоку женский голос.

Рахиль в военной форме была красивой-красивой. Короткая стрижка, кобура, военная выправка. Нашивки, те которые я ещё не знал, говорили мне, что она самый милый начальник в мире.

– Ну что, я смотрю, вы уже познакомились?

Своими словами она вмиг прекратила наш диалог. Медленно прошла мимо, и все мы заткнулись, глядя на её женственность.

Ведь мир пуст без женщин. Все это осознают, когда рядом такая красота. Рахиль уселась в «Субару», поковырялась в

бардачке и тронула машину с места.

– Умчалась к новому ученику.

– Ты что-то сказал Влад?

– Нет, ничего. Где тут можно встать на довольствие?

– Ты уже на нём, а твои вещи Илия перенёс в комнату.

– Спасибо.

– Да, что там, – Илия пожал протянутую руку. – Пошли, покажем конуру.

Он взвалил свой автомат на плечо, а мою девочку Англичанку взял в руку.

Длинный коридор, прохлада железобетонных стен и маленькое окошко, почти у потолка. Вот что встретило меня в этом пионерском лагере.

– Вот твоя кровать, Влад.

Илия махнул рукой и улёгся на свою койку. Та скрипнула под огромным весом, наверное, завидуя всем остальным кроватям, на которых не лежали такие великаны. Усевшись на предложенное место, я увидел, что автоматы лежат под кроватями. Своё оружие положил, как и все, под койку и стал чего-то ждать. Я даже не думал, что всё начнётся вот так, резко и необычно.

Приказ заставил нас сорваться с места. Андрей подал машину. Одеваясь как Илия, я повторял за ним все движения.

– Молодец, – буркнул тот и выбежал, взяв пулемёт.

Я со своей Англичанкой мчался за ним. В машине нас ждал Андрей. Джип тронулся и резко качнул меня. Такого

количества адреналина у меня ещё не было. Кажется, сейчас меня вырвет. Так и есть: прямо на ботинки Илии желудок очистил всё, что я съел на пикнике. Мой организм настраивался на войну. Не я его заставил, а он сам готовился к чему-то страшному. Скрип тормозов качнул нас в стороны. Илия подмигнул.

– Не страшно, потом помоешь.

Баловень судьбы? Я знаю. Как-то всё в моей жизни случилось само по себе. Лучшего я и не ждал. Человек без образования, с башкой, но без корочек, который умел только стрелять, сейчас смотрел в окошко на суету и беготню. Огромный муравейник, куда мы приехали, ожил. Это и была теперь моя жизнь. Рация с шумом отдаёт приказы. Андрей поглядывает на мои удивлённые глаза, словно говорит: «Мы им не подчиняемся. Нас ждут где-то там впереди. Здесь могут заниматься ерундой другие».

Огромные грузовики и маленькие автомобили. Мы обогнали выстроившуюся колонну, прибавив скорости. Для меня это всё было какой-то игрой. Я не осознавал что это война, и что где-то по пристрельным позициям долбит артиллерия. Вскоре мы приехали на пустырь, к палаткам.

– Тебе сюда.

Андрей высадил меня у натянутого от песка и солнца тента.

– Куда? Обратно марш! Ну, чего стоишь?

Человек старше меня лет на пять, криком отдавал прика-

зы. Ему бы ещё сигару в рот для крутизны. Я сел. Мир вокруг продолжал быть игрой. Не может всё быть так просто. В шуме заведённого танка человек повернулся ко мне и прокричал:

– Немного жаль тебя?

– Почему? – я скорее не спросил, а подумал.

И тут же получил ответ:

– Просто держись меня и всё. Это твой первый бой. Прошу не лезь, куда не надо. Внимательно смотри и не нарушай строй. Это не моя вина, что тебя вот так кинули. Теперь ты должен доказать что можешь. Будь невидимым, и возможно тебе повезёт. А теперь запоминай: поднятая рука в кулаке – застыл как мумия. Два разведённых пальца – строй разделяется. Вращение руки над головой – поднимаемся и уходим. Чувствуй рядом стоящего и будешь жить. Дай ка взглянуть на оружие.

В шуме двигателя казалось, что я уже пропал в ад. Командир, имени которого я даже не знал, коснулся Англичанки.

– Ух, ты. Ты обучался у Рахиль?

Я промолчал на вопрос.

– Ну что садовник, сегодня оставь её. Вот тебе монокль. Первая вылазка самая сложная. Ты должен её прожить.

Вокруг творилось невообразимое, что-то явно готовилось. Солдаты прибывали и устраивались. Мы шли между звуками прогреваемых двигателей бронетранспортёров в палатку. Патроны, автоматы, гранатомёт. Всё для волчьей

стаи. Охранник знал Илию, меня не знал.

– Он со мной.

– Волчья стая собирается. Значит, будет заваруха?

– Ну да, – ответил Илия не глядя на солдата.

Ему неинтересен был собеседник, поэтому на следующий вопрос:

– А когда всё начнётся? – он промолчал.

– Посмотрим, что у нас тут? Винтовку твою придётся оставить.

Он включил прицел на штурмовой винтовке и потянул мне вместо Англичанки кусок холодного железа.

– Всё просто. Где красная точка – туда и попадаешь.

Дальше как во сне: из магазина послал патрон в патронник и поставил на предохранитель. В лифчик положил магазин ещё один и ещё.

– Не перебарщивай.

Было ещё светло, когда мы вышли из палатки. За нами вошёл другой солдат, который выбрал в этой комнате оружия что то и для себя. Кругом мужчины в формах, девчонки. Все чётко знали, что делать и меня с ними никто не знакомил. Я торопился за Илией, поскольку знал только его и командира. Илия подошёл к собравшимся и сел возле них. Я достал из-за пазухи крестик. Не молился, просто посмотрел в небо.

– На вот, привяжи его к бляхе.

Тоненький рулон лейкопластыря упал к моим ногам. Судя по всему, это был наш медбрат.

– Зачем? – спросил я, разглядывая белую клейкую ленту в упаковке.

– Чтобы не звенело. Дело в том, молодой человек, что здесь важна каждая мелочь. И даже вот такая, как привязанный к бляхе крестик.

Повинуясь словам старшего, я перемотал бляху вместе с крестиком, соединив воедино войну и распятие. Посмотрел в небо и спрятал всё за пазуху.

– Он не выдержит первого боя, – шепнул один солдат другому.

Я равнодушно слушал их, и смотрел на технику, которую раньше никогда не видел. Танки, бронетранспортёры, хаммеры, вертолёты-апахи и всё это в шуме движения. Я всё ещё не верил, что попал на войну. Но страх уже рождался внутри меня. День подходил к концу.

– На вот, поешь. Сникерс и сухие макароны забьют тебя надолго. Судя по подготовке, мы должны были ночью выходить на позицию. Яков, так звали нашего командира, протянул мне руку.

– Влад.

– Ну, вот и познакомились. Прошу только не выдумывай ничего, потому как не только сам, но и кто-то из нас может погибнуть.

– Хорошо, – ответил я, глотая очередной кусок непривычной еды.

Жаркое солнце постепенно погасло. Двигатели танков

стали замолкать. Где-то впереди были слышны выстрелы и взрывы. Вертолёты-апачи промчались над головой. Причём, что интересно, два летели освещённые, а один в полной темноте. Когда солнце вообще исчезло, и пришла темнота, Яков встал, и это обозначало: «в путь». Рука Якова подняла винтовку с приделанным моноклем.

Я посмотрел на палатку.

– Не бойся, твою Англичанку никто не тронет.

Мы упаковались в подъехавший бронетранспортёр и с лязгом гусениц отправились вперёд в темноту, куда-то поближе к мелодии войны.

Глава 7

Одеты приборы ночного видения. Есть приказ и все подчиняются ему. Это делать легко.

– Мы терминаторы! – пошутил я, перекричав звуки мотора.

– Ну, да, – ответил Яков.

Судя по всему, мои слова нарушили его привычное молчание. Раскачиваясь в стороны, гусеницы легко преодолевали путь. Взрывов не было слышно. Неожиданно всё вообще стихло. Остался только лязг траков по дороге. Казалось, мы приедем без приключений туда, куда направлялись. Сосредоточенные лица смотрели на меня, а я на них.

В этот момент что-то тяжёлое грохнуло по броне. Второй удар был такой же, хотя лично мне хватило и первого. Было впечатление, как будто в темноте нас поймал великан и со всей силы грохнул своей дубиной.

– Нас подбили, нас подбили, – заорал радист в рацию.

Испуганный мальчишка, как и я, впервые в своей жизни попал в такую ситуацию. Второй удар подбил трак и гусеница оборвалась. Мы остановились. В глубине души я запаниковал, но тут же взял себя в руки. В голове всплывали слова Рахиль, которые она мне вдалбливала каждый вечер. Её наука помогла не потерять голову. Второй удар оглушил меня. Сразу вслед за вторым по корпусу грохнул третий. Брони-

рованный танк без башни пока выдерживал попадания стареньких РПГ¹². Из ушей капнула кровь. Мотор заглох и тогда Яков решился. Все смотрели на него, ожидая приказа. Водитель по радиации вызывал подкрепление.

Командир молча указал на дверь. Я понял, что должен бежать за ним, а за мной Илия. Мы передёрнули затворами, а потом меня встретила темнота. Судя по всему, нас обстреливали с высоты. Мы застряли в низине, и сейчас были как на ладони. Это была ошибка Якова. Толкнув дверь, он хотел тенью выскочить в темноту, не подозревая, что за броней его ждёт мгновенная смерть. Снайпер, оснащённый прибором ночного видения, легко снял первого выскочившего из бронетранспортёра. Яков даже не успел крикнуть. Просто рухнул мешком под ноги. Я инстинктивно бросился вперёд, перепрыгивая через тело, и успел проскочить к камням. За мной рухнул Илия. Все остальные остались внутри и резко закрыли за нами дверь.

– Где он?

– Я не вижу.

Мой ответ расстроил Илию.

– Как Яков?

– Теперь он только груз.

– Давай ка сюда его винтовку.

Илия беспрекословно слушался меня. Подтянув винтовку ногой к себе, он освободил её от остывающей руки.

---

¹² РПГ – ручной противотанковый гранатомёт.

– На, вот.

Расставил на рогатку. Смотрю в прицел, ощущаю мандраж. Вдохнул, выдохнул, закрыл глаза. Адреналина хоть отбавляй.

– Ты видишь его?

– Нет, Илия. На мой монокль. Посмотри вон на ту высоту.

– Ага, сидит там на восемь часов левее куста.

Прицелился по движению. Нажал на спусковой крючок. Осечка.

– Нет патронов. Где их взять?

– У Якова.

Смотрю в прицел. Вижу выстрел и огромная противотанковая ракета, вылетевшая словно огненная птица, качнула бронетранспортёр. Броня шваркнула, да и только. Слава Богу и эта ракета не причинила вреда сидящим внутри. Вижу на пригорке совещающихся солдат.

– Трое с автоматами, двое с гранатомётами.

– Совсем не боятся. Снайпера видишь? Нет? Вот твои патроны.

Вставляю, перещёлкиваю затвор, ловлю в прицеле движущуюся точку. Чуть выношу по ветру. Осечка. Чёрт, американка любит чистоту. Снял магазин. Смотрю, весь в крови.

– Илия, помой патроны.

– Как?

– Водой из фляги.

Я чётко различаю кочку, но она не замечает суету вокруг меня. Знаю, что первого надо снять снайпера. Он – угроза.

– На вот, возьми.

Холодное железо патрона вошло в канал для выстрела.

– В следующий раз возьму русскую. Она не капризна, привычна к любым условиям.

– А я в следующий раз поеду на другом транспорте.

Передо мной всё как на стрельбище у Рахиль. Чувствую каким-то внутренним чутьём, что выстрел надо немножко вынести. Один выстрел – одно попадание. Иначе смерть. Положат всех тут.

Смотрю в монокль. Кочка чуть шевельнулась. Выстрел. Гильза со звоном упала на камень. Смотрю, кочка качнулась и упала.

– Патрон, Илия!

Протянутый тут же попал на своё место. Выстрел.

– Патрон!

Ещё один выстрел. Вечность, в которой был прожит весь бой, длилась всего минуту.

Смотрю, гранатомётчики прицелились в мою лёжку. Нашли, собаки! Сейчас выстрелят и нам амба, крышка. Но тут сработала наша «конница». Две вертушки накрыли высоту. Ракеты в долю секунды превратили её в кучу пыли. Только сейчас я почувствовал боль в коленке. Оказывается, когда падал, развалил коленную чашечку. Был без наколенника. Просто не знал, да и некому было научить.

За что и поплатился.

От перенапряжения и боли закрыл на мгновение глаза, а открыл их уже в госпитале. Улыбнулся, увидев над собой перемазанные маскировкой морды Илии и Андрея.

– Я вот тебе гамбургер принёс. Выздоровливай!

– Отбегался ваш солдат.

– Как, отбегался?

Медсестра, ляпнувшая не то что надо, поспешила удалиться из палаты, услышав злые нотки в голосе Илии.

– Надо, молодые люди, поаккуратней бегать. А вашему другу придётся готовиться к гражданской службе. Армия теперь ему противопоказана.

– Да как же так, доктор?

– А вот так.

– Ну, можно же что-то сделать?

– Можно, но не знаю получится ли.

– Скажите, а нам что делать?

– Приходите почаще. Пусть не будет одинок.

– Так это мы запросто!

От переживания Илия надкусил мой гамбургер. Андрей улыбнулся.

– Ах ты обжора! Мы же его Владу принесли!

– Я не виноват. Просто разволновался.

– Да ешь ты, ешь.

Я рассмеялся вместе со всеми.

А дальше потянулись день за днём, операция за операци-

ей. Но не это лечило меня, а огромный Илия и Андрей, которые практически жили рядом со мной, превратившись в мою семью. Вроде бы чужие, а стали ближе самых родных. Потом период реабилитации. Прогулки на инвалидной коляске... Илия не любил лифт и всё время таскал меня вместе с коляской по ступенькам. Так бы и таскал до конца света, если бы однажды не споткнулся и не грохнулся. А я схватился за поручень и не упал. В эту долю секунды, я как то поверил сам в себя и наступил на больную ногу. Прошло уже пол года после последней операции. Всё давно срослось. Но не боль, а боязнь боли была моим врагом. Я не мог ходить. Но сейчас, не задумываясь, стал на ногу и устоял.

– Ах ты гад, – возмутился грохнувшийся Илия. – Я тебя туда-сюда таскаю, а ты уже можешь сам ходить?!

Но тут же широкая улыбка сменила гримасу злости.

– Дай ка я тебя поцелую, моя ласточка!

– Ишь, чего захотел.

Наш разговор услышала всё та же медсестра, появившаяся не вовремя на лестничной площадке. С перепугу она убежала обратно на этаж.

С этого дня я начал ходить. Не сразу. Сначала по одной ступеньке, потом по две, по три. Через год я уже проходил медкомиссию, которая поставила штамп «годен». Для всех вокруг я снова стал одним из толпы в военной форме. Такой же, как все: выполняю приказы и боюсь смерти, которая однажды забрала Якова. Все мы умрём, но я ещё подожду и

поживу в этом мире, где есть разгильдяй Андрей, огромный добряк Илия и Фанта, мой следопыт. Моё возвращение никто особо не заметил. Всё пошло по плану. Один из толпы стал частью армии, суетившейся возле границы. А винтовку мою Андрей, как и обещал, никому не дал тронуть.

Глава 8

Если посмотреть на военный джип с близи, то он кажется большим и страшным. Отходишь от него и вот он уже ничуть не пугает. Такой себе ошетилившийся ёжик с антеннами, заклёпками, бронёй и узенькими окошками. А вот если посмотреть на джип со спутника, как это делает сейчас девчонка-регулятор, то видно и нас: таких маленьких, одинаково одетых человечков и большую черепаху. Мы крутимся возле неё, боимся отойти от её брони. Она действительно прикрывает нас даже здесь на рынке.

Спешащие в толпе люди оборачиваются на нас. Разные люди с покупками и без. Некоторые просто идут, а некоторые в широких шляпах или бобровых шапках стоят и смотрят на нас. Мы махаем им руками, мол проходи, не делайте мне тут кина. Кричат зазывалы, перекрикивая один другого. Так делали их отцы и деды, так будут торговать и они, пока их дети не примут эстафету став торговцами на восточном рынке. Чего тут только нет и пряности, и оливки, и фрукты, и орехи разных видов. Помидоры, арбузы, огурцы и сладости – всё перемешано в одном блюде под названием иерусалимский базар.

На первый взгляд все люди одинаковые. Но нет, все разные. А особенно отличаются европейцы от восточных людей. Мы носим одежду, под которой скрываем наше тело и пока-

зываем только любимому или любимой. Для европейцев есть ещё пляж. Там мы отдаём нашу кожу огромной микро грили с её многочисленными солнечными лучами. Она включается богом с 5 утра и выключается только ночью. А потом перед зеркалом некоторые рассматривают, достаточно ли они поджарились, и не набрали ли лишние килограммы от съеденного гамбургера. Мир тела правит нами. Порой мы теряем истинные ценности и находим искусственные. Например, в силиконе, которым стараются изменить своё тело.

Здесь же, в этом мире Израиля и Палестины, в мире вечной войны арабов и иудеев всё намного проще. Нет силикона, а есть верность. И ещё есть много табу для женщины. Жена верна своему мужу, а если нет, то её просто закидывают камнями. Дикость конечно ужасная. Но так устроен этот мир и мы, приехавшие сюда, не вправе менять традиции. Жизнь вокруг течёт медленно, как и тысячи лет тому назад. И солнце то же и пустыня та же. Когда Лондон был деревушкой полной крестьян и грязных свиней – Иерусалим был городом древних цивилизаций. Восток он тонок как нить, и как нить, натянутая над огнём, непрочен.

Пришло время зла и красивая девушка может легко взорвать себя в толпе. Она становится шахидкой. Милый ангел, наполненный взрывчаткой и кем-то хорошо сагитированный, взрывается в толпе. Зачем? Наверное, мстит кому-то за любовь, или может быть просто мстит всем людям за то, что не услышали её крика. Одетые в чёрные паранджи

они везде. И как их отличить от мирных девушек я не знаю. Не будешь же ты каждой под юбку заглядывать. Порой они ужасно толсты, а порой очень даже красивы и милы. Да только не видать ничего. Всё эта чёрная ткань от пяток до ушей.

Вот так стоим мы возле джипа, а вокруг красавицы ходят мирные, приветливые.

– Интересно, а она мне улыбнулась?

– Кто?

– Вон та, худенькая.

– Илия, тебе вон та улыбнулась.

– Которая из них?

– Вон та, что толстенная.

– Фу, какая гадость.

– Зато верная будет. Кто же на такое позарится?

– Влад, прекрати. Это не хорошо, вот так о женщинах.

– А как можно?

– Ну вот, например: бутон прекрасной розы.

– Ага, а ещё?

– Капелька росинки.

– А ещё?

– Я что вам справочник? Устроили мне тут что, где, когда.

– Ну, всё-таки, Илия. Как ты ещё женщину называешь?

Ты же грузин. У вас там в горах женщина священна.

– Она, Влад, и тут и везде священна.

– Ну, всё-таки, Илия?

– Ну, поклонение беспрекословно.

– Рабство что ли?

– Нет, Андрей. И прекрати смеяться. У нас к женщине особое отношение. Как к звезде, которая горит и не погаснет, пока ты не закроешь глаза. А открываешь их, когда чувствуешь прикосновение губ и нежных рук. Когда тебя касается дыхание...

– Орбит.

– Что, орбит?

– Ну, свежее дыхание.

– Дурак вы, ваше благородие Андрей.

– Влад, он обзывается.

– Правильно делает.

– Двое на одного, да?

– Ты Андрей используешь женщин как одноразовые станки.

– «Жилет», лучше для мужчины нет. Попользовался и в мусорник.

– Ага, смотри, чтобы этот «Жилет» в порыве мести не отрезал твоё имущество, так бережно хранимое.

– Зачем, Илия?

– Ну, а как же тебе ещё отомстить?

– За неверность?

– Ну да.

– Глупые вы. Это слово секс... Что может быть слаще?

– Любовь, Андрей. Слушай Илию и молчи. Давай, Илия, рассказывай.

– Порой, когда спускаешься с гор...

– За солью... Ай, Влад, за что ты мне подзатыльник влепил?

– Сам знаешь. Продолжай, Илия.

– Ну вот, когда спускаешься с гор по тропинке...

– За солью... Всё, всё молчу.

– Илия прости, он больше так не будет. Ведь, правда, же?

– Ну да, не буду. Чуть голову мне не оторвал своими нежными ручищами.

– Молчи, Андрей. Мужчины не плачут.

– Ага, боятся что тушь с ресниц потечёт.

– Илия, так что там дальше?

– Так вот, спускаешься вниз по тропе к ручью, а там красавица: тонкая как газель, с глазами цвета ночи и волосами буйными как Ингури. Она берет кувшин полный воды и несёт к себе домой. Ты подбегаешь...

– И в кусты.

– Влад, держи меня.

– Всё, всё, Илия, молчу. А то если от тебя по морде получу, то подвиг с бланшем совершу.

– Андрей, у вас в семье несчастные случаи были?

– Нет, Влад.

– Будут, если не помолчишь. Илия, так что кувшин? Ты помогаешь ей нести до самого до дома, а дальше?

– Уходишь.

– Что и никаких 50 долларов за доставку? Ну, или дай тё-

тенька чаю попить? Или, по крайней мере, на чай? Ай, Влад! Забери от меня этого, с руками Кинг Конга.

– А оно мне это надо?

– Влад, это дедовщина.

– Молчи, на нас уже пальцами тыкают. Кстати, Илия, та что тебе понравилась, идёт сюда. Прекратить разговоры. Что у неё под паранджой? Быстро идёт. Как бы, Андрей, чего не случилось.

– Есть. Я остановлю её. Стой! Влад, она не слушает.

– Подыми автомат в её сторону.

– Что-то слишком быстро идёт.

– Командир, приказ!

– Андрей, подыми ствол! Замерли.

– Ой, сейчас от нас останется одно название. И никто не узнает где могилка твоя...

– Андрей, отставить песню! Илия, отставить выстрел! И не паниковать. Стоять, смотреть и улыбаться.

– Влад, она чёто нездоровое хочет сделать.

– Илия, отставить! Стоять!

– Поздно, Влад!

– Да не лежи ты на ней, раздавишь!

– Вот она реальная действительность. Тут только что нам рассказывал о кувшине, о газели а сам... Да не заламывай ей так руки! Это у тебя по лёгкому, а для неё сейчас всё закончится поломанными костями.

– Андрей, заткнись.

– Молчу.

– Илия, проверь теудат-зеут¹³. Что она сказала, Андрей?

– Она говорит на арабском, что Илия ей понравился.

– Вот язык! Запутаться можно в согласных звуках. Илия, отпусти её и помоги подняться. Уже всю обшарил? Что при ней?

– Вот, сумочка.

– А в ней?

– Как и у всех – косметика.

– Чёрт! Извинись перед дамой и отпусти.

– Простите, мадемуазель!

– Что-то не так. Почему она вдруг стала убегать?

– Ну, понятное дело. Гора поклонилась хрупкой женщине и та побежала.

– Интересно, чего она действительно хотела?

– Илия, посмотри: кошелёк на месте?

– Чёрт, вот bestия! Сейчас я её...

– Отставить! Не злись. Пусть празднует победу над солдатом Израильской армии. Опять победила красота, а воин проиграл. Пусть так и будет всю жизнь, и мир тогда станет ярче. Не нервничай, Илия. Куплю я тебе твой фалафель¹⁴.

– И гамбургер?

– И гамбургер в Макдональдсе. И всё-таки она прекрас-

---

¹³ Теудат-зеут – удостоверение личности в Израиле.

¹⁴ Фалафель – арабское блюдо, представляющее собой жареные во фритюре шарики из измельчённого нутаа (или бобов).

на...

– Кто? Арабка, что так хитро спёрла кошелёк?

– Ну, да. Вот так они и правят нами, женщины в одежде и без, потому как они прекрасны.

Глава 9

Босая нога осторожно коснулась холодного пола. Я еле поднимаюсь. Где-то должны быть ботинки, а в них надоевший песок вчерашнего дня. Форма. Черт, я не разделся вчера. Так и шлёпнулся спать. Вот это я устал! Знаменитый на всю нашу комнату таракан Борька тут же бросился наутёк. Жирный такой, откормленный свежими крошками от гамбургера, он не нуждается в моём приветствии. Сам знает – утро наступило. Теперь главное чтобы на него никто не наступил. А то противный хруст прилипнет к ушам на целый день. У нас тараканы ого какие, с пол ладони. Сквозь пелену сна вижу рядом на столе обёртку. На ней зелёным написано много-много слов «Макдональдс». Фу, какая гадость эти гамбургеры. И, как я их вчера мог есть? А может это и не я? Во рту будто стадо слонов, извиняюсь за пикантные подробности, одновременно опорожнилось. Левая нога ползает по полу в поиске ботинка. Правая свой уже нашла, и попала с точностью выстрела снайперской винтовки. Но вставать не хочет. Рука лениво помогает левой ноге. Шарит по полу и, наконец, вытаскивает из-под койки ботинок красного цвета.

– Черт! Яркое солнце, а не могло бы ты немного погаснуть. Стухни, тебе говорю! Что, не видишь? Плохо мне!

Сил нет вообще. Встаю. Шаркаю по комнате от кровати к столу. Попа находит опору на стеле и аккуратненько при-

саживает меня, своего хозяина. Не хочется шевелиться вообще. Глаза закрываются, закрываются, закрываются. Голова опускается, опускается, опускается. Боже, вот это ночь выдалась!

Я говорил Илие не надо трогать проституток. А он: «давай, давай».

А вдруг там террористы». Ага, там только бедуин старый, да выстрел в воздух. Вот я песка наелся, упав с перепуга. Грузин же молодец! Очередью из трахтамата своего всех к земле положил.

– Ну и че сними делать теперь? В машину их много.

– Будем ждать помощи.

– Мальчики, отпустите нас!

– Ага! Вот так разогнались тебе Бен Ладан. Да, да, ты, с бородой. Сколько было раз велено не водить никого? Теперь должны тут сидеть из-за тебя. Илия престань их обыскивать. Посмотри на себя! Ну, ей богу, картина Репина кот и сметана.

– Влад, кто такой Репин?

– Ну, ты Илия даёшь!

– Мальчики, отпустите нас!

– Тише, девчонки. Сейчас всех отпустят. Прилетят и отпустят. Бен Ладан, ты чего ночью то попёр? Не мог днём границу перейти?

Ведь знаешь, что всё равно поймаем. Теперь ночь бессонная и нам и тебе обеспечена.

– Знаю.

– Так чего же ты, моджахедья твоя борода, попёр? Я вот пристрелю сейчас тебя!

– Влад, не стреляй! У меня дети! Их кормить надо.

– Дети у него! У меня тоже, и ничего. Как видишь, не нарушаю.

– Мальчики, отпустите нас!

– Илия перестань увлекаться.

– А что такое?

– А что? А ни что! Девоч, говорю, перестань лапать! Сейчас второй патруль приедет, а ты весь в слюнях. Тебя вместе с ними посадят.

– Мальчики, отпустите нас!

– Цить, я сказал! Бен Ладан, ты, короче, чеши отсюда. И в следующий раз, прошу, веди свой товар днём. Ну, ей богу, спать же хочется. А стрельнёшь ещё раз, вообще прибью.

– Хорошо, Влад.

– Ну вот, с тобой решили. Ээээ, стой! Куда пошёл? С тебя такса.

Ты чё мне суёшь сто баксов? Ты чё, с ума сошёл?

– Так ты сказал такса?

– Что я с твоими 100 долларами делать то буду? Один раз детей в Макдональдс свожу?

– Ох, ни хрена Влад ты себе жрёшь?

– Тише, Илия. Не мешай. Марш обыскивать нелегалов.

– Мальчики, отпустите нас!

– Ну, кто там плачет? Ух ты, красивая! Те чё дома не сидится? Сейчас же всё равно домой вернёшься. Ну всё, не реви! Не стоит это всё слез. Не реви, я сказал! Фу, какая ты сразу стала некрасивая. Бен Ладен, куда побёг?

– Что Влад?

– Ты хочешь сейчас за попытку к бегству лечь в песок и больше не встать?

– Мальчики, отпустите нас!

– Илия, заткни её. Она мне мешает Бен Ладена раскручивать.

– Влад, вот тебе 300 долларов. Нет больше.

– погоди, Бен Ладен. Покажи кошелёк. Илия, не смотри на меня так. Вон на ту страшную смотри, что вся в потёкшей туше.

– Мальчики, отпустите нас!

– Всё! Хватит реветь! Бен Ладен иди, пока не пристрелил.

Илия, перестань девок мацать.

– Мальчики, отпустите нас!

– Так, Андрей, не глуши двигатель. Подсвети. Кто тут у нас?

– Мы, девочки.

– Да, вижу что не мальчики! А ну, живо паспорта показали! Ты, армянка? Илия, ты спал с армянкой?

– Ага.

– Понятно. Ты не нужна. О, эстонка! Илья, ты спал с эстонкой?

– Да.

– Ну вот. Все внимательно посмотрели на вруна. И когда это было?

– А у нас новенькая в роте, эстонка.

– Чёрт, познакомишь?

– Ага.

– Так, ты кто у нас? Украинка. Ух, ты! Илия, хочешь хохлушку? Бен Ладен, ты ещё здесь? Что, надо дать тебе денег на дорогу? Сам дойдёшь. Сюда же пришёл? И, вообще, откуда проходы в минных полях знаешь? Кто сказал? Обама! Ты чё, дурак! Иди отсюда, пока грузин не пристрелил. Илья, у тебя бедуины были?

– Нет, не было.

– А хочешь?

– Нет, не хочу.

– И правильно. Ты у нас нормальной ориентации. Так, девчонки, готовимся к транспортировке. Живо садимся все в джип. Все дружно кучуемся, словно тётя Сара на рынок морковку складывает.

– Мальчики, отпустите нас! Мальчики, отпустите нас!

– Да заткнись ты, дура! А то сейчас всех всажу!

– Ты чё такой злой, Влад?

– Андрей, лучше помолчи. Не нервируй хоть ты меня. Вот твоя сотня, а вот твоя Илия.

– Куда едем, командир?

– Куда, куда? Конечно к Петину.

– Это что ли к Петреску?

– Ну да, ему девок в Махон сдадим. В этот его зверинец.

– Ты чё? Он сказал больше никого не привозить.

– Хватит болтать, Андрей. Поехали!

– Мальчики, отпустите нас!

– Ну, всё! Остановись! Кто тут у нас просится в пустыню?

– Не я!

– Вот и хорошо. Едем к Путину и там все работаем. Вы же за этим сюда со всего Союза притопали?

– Ура! Мальчики нас отпускают!

– Стоп! Меня руками не трогать! Вон грузина ласкайте. Эээ, руки, чёрт. Перестаньте, кому говорю! Стоп, девчонки! У меня жена.

Тихо. Если я вам помогаю, не надо мне платить так. Потом с чаевых заплатите. Илия, не стони. Чёрт, включите кто-то рацию. Бедуин и вправду поверил, что мы второй патруль вызвали. Илия, не стони. На базе подумают, что шакала поймали. Девчонки, тихо. Едем мимо базы, и что бы ни-ни. Всё, кажется пронесло. Я сказал, что едем за кока-колой в город. Девчонки, помните кто вас спас, и будьте нам благодарны. Эээ, не так. Я сказал, дядюшками американскими отблагодарите. Говорю, не касайтесь меня!

– Влад, прибыли.

– Сам вижу, что прибыли. Одни убытки от вас.

– Привет, Петин. Я привёз тебе товар.

– Опять Бен Ладен попался?

- Он водит, я ловлю – такая работа.
- Так ты его скоро бизнеса лишишь.
- Мы будем Петреску болтать, или как?
- Ну и черт с ним, моджахедом¹⁵ бородатым.
- Не ты ли ему, кстати, о минных полях рассказал?
- Нет, не я?
- Интересно, а кому тут нашептал адъютант полковника?

Поговаривают он вашего притона клиент.

– Всё, Влад. Я лучше промолчу. За это заберу у тебя девчонок.

– Давай быстрее, светает уже. Илия, вытри пятно со штанов. Черт, Илия, ты опять? Давайте девчонки, до свидания. И помните, что должны. Мы Путин поехали. Нас Обама ждёт. Сейчас начнутся допросы, почему радио столько времени молчало. Пока. Давай, мы всё...

...Всё вспомнил.

- Черт, Илия, ты чего так громко дверью хлопнул?
- Влад, ты почему на стуле словно не родной сидишь?
- Ещё бы, такая ночь.
- А что? Обычная ночь.
- Достали меня эти обычные ночи. Хоть бы одну необычную. Вот вспоминаю, всё ли правильно сделали?
- Влад, я рапорт написал. Там ничего не указал о происшествии.

---

¹⁵ Моджахед – участник джихада. Буквально – «борец», «совершающий усилие». Исламский боевик, террорист.

– Я подписал?

– Ага.

– Моей рукой?

– Ну, как всегда. Ох и доиграешься ты, капрал. Бен Ладен,

Путин, Обама – прям ось зла какая-то.

– Дурак ты, Илия. Где то такое ляпнешь – посадят.

– Слушай, Влад. Девчонки же главное.

– Ну, ты даёшь! Кто куда, а лиса в курятник. Прям, как у

Репина. – Ты мне скажешь, Влад, кто такой этот Репин?

– Проехали. Ты чего припёрся?

– Да ты чё, Влад, не заметил, как целый день проспал?

Вот, поесть и колы принёс.

– Гамбургер твой не буду.

– Да нет. Вот тебе кружешки.

– Ты делал?

– Нет, ты что? Я своему желудку не враг. Проститутка делала. Та, что с Грузии была.

– Ты уже у Путина был?

– А то, Влад. Давай, одевай броник. У нас патруль.

– Что, опять ночь?

– Ну, да!

– Иди, я сейчас.

Так, собрался, собрался, собрался. Встал, протёр глаза. Автомат, каска, магазины, лифчик – чёрт, тяжело. Бумага, фонарь, чего-то не хватает. Чего-то ещё не хватает. Гамбургер. Какая гадость американская, но всё же лучше, чем ни-

чего. Борька, прощай. Без нас тут тёлки не очень собирай, а то и так как в хлеву.

– Илья, приказываю, как вернёмся – всё убрать. Ну что, поехали?

– Хорошо.

– Всё, Боря, я пошёл. Граница, приветствуем тебя!..

Глава 10

Мир это дорога. Жизнь – это направление в ней. Навстречу нет никого, да и не может быть, потому что все движутся в одном потоке. Навстречу может быть только возвращение. Ну да, впрочем, какая разница кто куда идёт? Сегодня людей разделили границы, а завтра их поделит религия. А послезавтра люди придумают ещё какую-то бяку, чтобы не быть вместе. Чтобы не жить, а бояться. Сегодня же пока не придумали ничего лучшего как граница.

– А вот если бы мир был без границ?

– Ты что-то сказал?

– Да, Влад?

– Тогда нас бы уволили.

– Ты что-то ответил?

– Да, Илия.

Мы патрулируем сегодня вдоль черты, поэтому никто никого не слышит. Сбоку не наша территория. Мы идём в сторону солнца. Шипит словами рация, даёт нам указания, куда и что делать. Где-то далеко сидит перед экраном монитора девчонка, а мы у неё на экране мигаем пунктиром. Там в космосе легче патрулировать и наблюдать. Да и что может случиться с железякой? Попадёт метеорит? Собыёт траекторию полёта? Ну и что? Новый спутник заменит старый и наблюдение за нами вернётся на свои места. Вот людям на земле

тяжелее. Если попадёт пуля, то человека нельзя будет заменить на такого же. Вот мы и врезаемся зрением в пустыню, что бы в нас не попали, что бы жить. Секунды складываются в минуты. Метраж, который мы прошли, небольшой. Да и государство Израиль маленькое. Слава богу, что мы здесь. Мы защитим тебя, не бойся. За длинным и узким окошечком джипа виден только песок. Автомат сжимаем каждый, ну а у Илии конечно побольше, у него пулемёт. Куда мы без его огневой поддержки? Если выстрел – это не страшно. А вот если бросок смерти из шайтан трубы с той стороны, то мало никому не покажется. Нам повезёт, я знаю. Перед глазами в радиусе взгляда то, что я так хочу видеть – пустыня. Песок мягко принимает колеса джипа.

Почти не трясёт. Мы едем вперёд и не оборачиваемся друг на друга. Пройли ту часть, с которой нас могли обстрелять. По идее можно уже расслабиться. Но нет, нельзя. Страх всё равно живёт в организме. А куда без него? Не боятся только дураки. Глаза смотрят в прямоугольное окошко, а тело ждёт приказа выброситься из машины. Всё время так. Ещё 45 минут и нас встретит каменная дорога и новый патрульный хаммер.

Мы едем домой к Бориске и к шуму американских евреев, вечно спорящих о чём-то своём.

– Приеду и сразу в душ.

– Мог бы, Илия, и не говорить. От тебя воняет, как от испугано койота увидевшего льва.

– Чёрт! А почему от меня так воняет?

– Все сорок минут будто в туалете едем.

– Ты думаешь, я испугался?

– Нет, Илия, не вставай. Не показывай свой зад. Я не думаю, что ты настолько пугливый. Сядь уже и не вертись. Мы ещё не дома.

– Ну почему так воняет? Андрей, ты не скажешь, почему?

– Скажу Илия. Ты опять вляпался в тёплую, сделанную человеческим организмом мину.

– Сейчас проверим. А ну, дай мне лапу, Илия. Да не руку, а ногу.

– На.

– От чёрт! Заставь дурака богу молиться, так он весь лоб расшибёт. Убери ногу с колен.

– Сам сказал, дай лапу. А приказы надо выполнять.

– Дурак ты и дети у тебя будут дурные.

– Я бы попросил.

– Всё, всё, прости. Вот ты толстый!

– Я не толстый, я великий. Не выгибай мне так ногу.

– Сними ботинок. Ого!

– Что, Влад!

– Тут, Андрей, трофей! Ботинок 46 размера и весь в человеческой мине.

– Отдай.

– На вот, Илия, и носки у тебя воняют.

– Воняют, воняют. А ты думаешь нам, большим людям,

легко по жаре такой ползать? Нас может беречь надо. Мы этот, как его?

– Генофонд.

– Да, точно. Ген, ну короче, то слово что на он заканчивается.

– Илия, где ты его в пустыне нашёл?

– Не знаю. Может Бен Ладен перепугался ночью и у кустика решил стать на 300 грамм легче. Чтоб потом бегать можно было быстрее.

– Стой, Андрей. Позвольте вас, Илья, попросить помолчать. Андрей, передай на базу что мы что-то нашли. Включай камеру и давай газу обратно.

– Зачем?

– Илия, ты не помнишь, где мы останавливались, а ты кустики искал?

– По карте, Влад, мы останавливались здесь.

– Где?

– Да не трясись ты, Андрей. Веди осторожней. Не видишь, мы тут делом заняты. На фига ты остановился?

– Может мне выйти и не мешать вам в поиске места?

– Не мешай и не умничай заодно. Вот оно, наше счастье!

– А может быть, там нас ждёт Бен Ладен?

– Ага, он всю пустыню перешёл, чтобы нас ждать.

– Влад, зачем мне моргаешь? Я не красна девица.

– Смотри, Андрей. Граница рядом, а это значит?

– Что значит?

– Илья теперь ты помолчи, а то выгоним на улицу.

– Не надо.

– Хорошо, не выгоним.

– Андрей, так что значит место недалеко от границы?

– То, что не десять арабов, по статистике один контрабандист.

– Правильно и он сейчас выкопал тайник. Судя по всему не один копал, а кто-то помогал. Так как Бен Ладен никогда бы не гадил возле своего тайника, то что?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.